Г. М. ПРОХОРОВ

Иоанн Кантакузин. Диалог с иудеем Слово седьмое*

(Славянский XIV века и современный переводы)

л. 261 об.

НА ИУДЕЕ СЛОВО СЕДМО

Ц а р ь: От отродѣ Давыдовѣх нѣкто, Иоакимь именем, от колѣна Иудова, сь женою законно живы, от тогожде колѣна сущи, бесчед'нь бѣше даже далече вьзраста неплоднѣ сущи Анне, се бо той име. Обѣщавше же се, аще отци яветсе, Богови отлучити раждаемое, сице прѣбываaху, Богови молеще и подвижущесе о надеждахь. Не по мнозѣ же, Богу тѣх молитвамь прѣклоншусе, раждають жен'ско отроче и приводеть сие, по обѣтованию, Давшому, триемь бывшию же лѣтомь.

Архиерей же Захариа, отроковицу приѣмь, от являемых ее благодатий душевныхь красоту умомь зре, и яко добродѣтелемь будет жилище искы, вьнутрь сиу вь невьходимых вьведе, яже Светиих Света нарыцаахусе, никомуже вьсма праведно приходити бѣ тамо, яко не архиереу, и сему не в'сегда, нь единою лѣта, и тогда не бес крьве.

Ни убо кто супротивь рече, ниже вьзбрани еже вь Светаа Светиих отроковици вьходь, нь радостни вси тое вь невьходимых утврьждение и
л. 262 прѣбвание приеше, божеств'ной нѣ//коей в'сако силѣ и архиереа кь дѣяниу сему вь начелѣ призвавши и всѣх удрьжавши нравы, яко не тькмо не вьзбранити дрьзнути, нь и порадоватисе в'сѣмь о быв'шихь.

Бѣше убо сице вь светиих непрѣстанно отроковица вьнутрь прѣбывающи, браку же юже годь сьврьшающи, обручаетсе нѣкоторому сьвѣтомь архиерейскымь, Иосифь именуему, единоплеменну и цѣломудрьну, иже убо и вь свой домь от церкве сиу яко обручену прѣведе.

Не по мнозѣ же кь ней Божий аггель Гаврииль послань бысть вь градь Галилейскы, Назареть именуемь, иже убо кь ней вьшьд, «Радуйсе, обрадован'ная, — вьзупи, — Господь с тобою! Благословена ты вь женах». Она же, видѣвши, смутисе о словеси его и помышляше, каково будет целование сѐ. Рече убо аггель ей: «Не бойсе, Мариамь, обрѣте бо благодать от Бога. И се, зачнеши вь чрѣвѣ, и родиши Сына, и наречеши име ему: Иисус. Сѣ будет велей и Сынь Вышняго наречетсе. И дасть Ему Господь Богь прѣстоль Давыда, отца Его, и вьцаритсе вь дому Иаковли вь вѣкы, и царствиу Его

* «Слова» 1—6 см. в 41—46 томах ТОДРЛ.

© Г. М. Прохоров, 1993.

не будеть конца». Рече же Мариам' кь аггелу: «Како будет' ми сѐ, понеже мужа не знаю?» И от//вѣщавь, аггель рече ей: «Духь Светый наидет на л. 262 об.
те, и сила Вышняго осѣнит' те; тем' же и раждаемое свето наречетсе Сынь Божий. Яко не изнеможет от Бога в'сакь глаголь».

Зрѝ убо, како аггель и Троицу ясно проповѣда, и Дѣвые зачетие несумѣнно показа. «Дух', — бо, — Светый, — рече, — наидет на тѐ, и сила Вышняго осѣнит' те; тѣмже и ражаемое свето наречетсе Сынь Божий». Имиже Светѝ убо Троица — Отець, Сынь и Светый Духь — яснейшѐ от в'сѣх показуетсе и яже Дѣвую кь великѝму сему и паче слова таин'ству укрѣпляющиа сила, яко мощи стрьпѣти Спасное рождение. Прочее бесловесно есть сумнѣтисе, како без мужа и зачети и родити вьзможе. Чловѣчьскым' бо ниединѣмь словом, Светым' же Духомь осѣнениемь в'сей силѣ Вышняго вьзложити подобает, ей же «не изнемогает ниединь глаголь», Богь убо идеже хощет, побѣждаетсе естества чин.

Сѐ убо великое таин'ство и Давыдь прѣдзре, глаголаше: «Езыка, егоже не увѣдѣ, услыша», — сирѣчь аггел'скаго; и вь иных: «Слыши, дьщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твое, и домь отца твоего», — кь Дѣвѣ Марии сиа вьпие. Сирѣчь, понеже отниня вь странно нѣкое и паче естества и вьсма измѣнено жител'ство, паче еже имѣаше // домь л. 263
отца твоего, призывает те Богь, уготови се убо кь ейже добра ниня и кь той «приклони ухо твое», домашных же юже забуди.

Еще «Благоволиль еси, Господи, землю Твою, вьзвратиль еси плѣнь Иаковль, отпустиль еси безакониа людемь Своимь», и ина, елика о сиемь псалмѣ божествены сѣ рече пророкь, — принеси[1] убо в'са вьзнепщуетсе убо нѣкоторѝмь наручною тькмо мыслию вьнимающим, нь не ськрьвеннаа зрещим и гльбочайша, о людех ваших речена быти, и земли, и градовѣ, в нихже живѣху тии. Еже убо не мьне и о богоносных речено и божествныхъ мужѣ.

Аз' же ниня, елико вь слово мое и видѣние приходить, неизреченное же и трепета испльнь вьчеловѣчение Бога Слова, якоже и вь иных многых, сице и зде пророку назнаменати и проповѣдати реку и бо и того заченшую Мариу. От прьваго убо от стиховѣ даже и до «Покажи намь, Господи, милость Твою и спасение Твое даси намь» ничтоже ино мнѝю пророку пѣти, развѣ Христа, в'сего бо мира спасение Христос, еще же убо и в'секоньчное диаволу и аду тлѣние и плѣнение, елико, оттуда сего сьврьгы и свезавь, вьсхыти, свобождение явѣ душамь неизбѣжными у//зами стегнутым. л 263 об.

Таже якоже аще мало отдьхнувшу и пророчьствиа сьвыше ожидающа, «Услышу, — рещи, — что вьзглаголеть о мнѣ Господь Богъ», — и Духа Светаго испльнившусе, вьзупи пакы: «Яко вьзглаголеть миръ на люди Свое, и на преподобные Свое, и на обращающее срьдьца к Нему. Обаче близь боещимсе Его спасение Его». Которѝ убо кто мирь речеть глаголати Господу, развѣ еже на божествнѣмь Его рожденѝ от аггель вьспеваемы божеств'ных, «Слава вь вышних, — поющимь, — Богу, и на земли мирь, вь чловѣцѣх благоволение»? Паче же которое нѣкое ино сьмирение да глаголетсе убо и истѣйше и прикладно, прѣжде великѝго и общаго сьмирителя в'сѣх Христа Бога, еже срѣдостѣние градежа разорившу, и подсолнечную Богу и Отцу сьмирившу?

Близ' же Бога боещимся Его быти глаголеть не яко от иных отстоещу: нь якоже всѣх сущу Богу Авраамовь быти глаголеть и Исааковь и Иаков'ль Богъ по изредному за прѣзѣлное тѣх вѣры и любве прѣзьестест'вное, сице и боещимсе Его близь быти глаголеть.

---

[1] ἄ γε переводчик понял как ἄγε.

Якоже бо чювьстьвное сѐ солнце равно убо в'сѣмь свое свѣтлости и
л. 264 видѣниа, купно // же и топлоти подае, не подобнѣ от в'сѣх зритсе, коим'ждо очесемь по немощи или здравиу свѣту вьмѣраему, сице убо и мысльное правдѣ солнце Христос, «вьзглаголеть, — убо, — мирь на люди Свое и на преподобные Свое, и на обращающее сердце кь Нему». «Спасение же Его», — явѣ яко благодать, дасть убо в'сѣм, а иже Того боещимсе наипаче даруеть, якоже и вь иных рече: «Работайте Господеви сь страхом и радуйтесе Ему сь трепетом». И пакы: «Страх Господень чистъ, прѣбывае вь вѣкы вѣка», «вьселити славу вь землю нашу».

Сьматраемь прочее. Вь начелѣ убо псалма «Благоволиль еси, Господи, землю Твою» рече и ина, о нихже сказано бысть мало выше, вьзражение явѣ яко сатанин'скые нужде и душамь свобождение, зде же «вьселити, — рече, — славу вь землю нашу». Вь прьвомь убо от стиховъ, землю благоволити глаголе Господу, свою Богородицу являеть Мариу, земля бо света сущи и блага, иже животу бесьмрьтному подателя без' сѣмене же и паче естества израсти божеств'ны клас, иже чювьств'нѣ же и умнѣ и душе в'сѣх прѣпитающа и тѣлеса. Зде же «вьселити, — рече, — славу вь землю нашу".
л. 264 об. Зе//млю убо тамо тькмо, зде же и вьселение приименовавь Божие. «Освети, — бо рече, — село Свое Вышни», и вь иных: «света церкви Твоа, дивна вь правду», — тѹжде и церковь нарыче, якоже землю и селение.

«Милость и истина срѣтостасе». Милость убо Спаса рече Христа, яко за чловѣколюбие тькмо чловѣчьское естество помиловавшу и вьзвав'шу, ничесоже от себе прѣдвьнес'шу милости и милованиа достойно, истину же — пресветую Богородицу Мариу. Имат бо сице. Естествомь убо ни едино от тварий прочее истина бысть развѣ Бога, аще и причестиемь Самыистины истинна и сиа и глаголютсе и суть, — аггели явѣ яко и от чловѣкь иже от земльных прѣвьзети бывше. А еже от в'сакого чловѣчьскаго естества изредно добрѣйше Богородица Мариа яко и истин'нь и сьврьшень чловѣкь и сущее истины, якоже Богу множае в'сѣх причестившисе, истина нарычетсе божеств'нымь пророкомь.

Еллином' бо различно чловѣка опрѣдѣлившимь, сии едини болше от прочиих рещи непщевани быше, иже животно сего рекше словесно,
л. 265 мрьтьвно, ума и художьства приемительно. Нь не сьврьше//нь сьй прѣдѣль быти мнит ми се чловѣку. Сьврьшен' бо да глаголетсе убо вьистину, аще не оскудѣваеть что, ни же прѣзѣл'ствует. Здешняго[2] ниже довольнь быти таковый прѣдѣль вь Прѣчистой мнит ми се. Нь понеже, егда в'се сьдѣтел'ствоваше, Богъ «Сьтворим, — рече, — чловѣка по образу нашему и по подобиу», и сего сьврьшена иже от нас рѣше чловѣка, емуже вь елико есть мощно «по образу» цѣло сьблюдша и «по подобиу»; яко паче в'сѣх сущих от вѣка аггель, якоже речесе, и чловѣкъ причестившисе истина и глаголетсе и есть Богородица Мариа. Сего бо ради и пророкь вь сих рече: «Милость и истина срѣтостасе», — сиречь сьнидошесе, сьединишесе.

Се самое и вь прочиих глаголе, наводит бо: «Правда и мирь облобизастасе». Правду убо Христа нарычет пакы, яко тому се естествомь бывшу и единому, якоже убо и о истинѣ словесех речено бысть, мир' же Богородицу. Нерат'ну бо и тврьду миру сиа едина бысть намь ходатаица, яко вражди губителя едина рождьши и срѣдостѣние сего ради градежа разоривши, за иже из нее рожьдьшомусе Богу и Слову. «Облобизаше же се» рече за
л. 265 об. любве прѣзьестест'вное той же // и Богу другъ другу.

Зри же, како дивно другъ друга в'са сьглашають прѣдвар'шимь наводимаа, рече бо: «Истина от земле вьсиа, и правда сь небесе приниче». «От земля» убо — сирѣчь от чловѣкь, Иоакима реку и Анны — якоже цвѣта

---

[2] В оригинале: Τοὐντεῦθεν — «отсюда».

издатисе глаголеть Богородицу, питателницу жизни нашѐ, Христу явѣ яко; «правду» же, — Божие слово, иже за неизглаголан'ную милость небеса прѣклон'шу и даже до нашее нищеты приити никакоже отвратившасе, сьврьшено же сьединяему иже от Иоакима и Анны Богородици Марии неизреченным' же и прѣестественнымь сьединениемь и плть бывша от светиих ее и прѣчистиих крьвий, чловѣка сврьшена тогожде бывша и еже быти сьврьшена Бога не отступльша, якоже от вѣка богоглаголиви же провьзвѣстише в'си пророци и самь Богь и Отець свѣдѣтел'ствова.

«Господь, — же рече, — дасть благость», — Отець явѣ Господень Сына издасть Своего спасениа ради нашего, иже и «благость» нарычетсе и «правда» и «святыня» и «избавление», «и земля наша даст плодь свой», — иже от Иоакима и Анны вьсиавшиа земля бесѣмен'ны плодь свой дасть — иже из нее рожденому Богу и // Слову, истинна обоюду бывша, якоже речесе, л. 26б божества же и чловѣчьства.

Зри же, яко и коньць толикымь прилагает. По еже бо богословити и проити яже о неизреченномь вьплщени Бога и Слова, показуеть абие, еликым' же и каковѣмь благымь сиа податель намь и вина наста. Вьнегда бо рещи «правда прѣд нимь прѣдидеть», в'сако благо малому сему глаголу зачетсе, ничесоже Божие правды вьнѣ не оставльши.

«...и положит вь путь стопы свое». Елма убо «путь» себе Христос нарече, есть же не мьне кь спасению «путь» и Еуаггелие «и истина, и живот», сим' бо путемь кь Богу приступихомь и Отцу, нь не аггеломь или нѣкыим от чловѣк. Сего ради рече «положит вь путь стопи свое». И бо аще заблуждение кто путьшьствуе под'иметь, и село нужда тому погубити, кь нему же идѣаше; яко убо иже симь шьствуе путем, спасень бысть; якоже пакы пады вьнѣ заблуждениемь погыбе.

Еще и оно сматрай, како настоещому странному рожьдьству дивна в'са и божеств'на быше. Ибо аггелова кь Дѣвѣй вѣсть и еже рещи «Радуйя, обрадованнаа: Господь с тобою» и пакы «Благословена ты вь // женах» л. 26б об. еже не по тое прѣматере Евы вь печалех родити яви, нь вь радости и веселии, и клетву раздрѣшити раждаемому показа, благословению бо и клетвѣ вь едино купно невьзможно сьнитисе, якоже ни свѣт и тма. Сущиих убо веселиа и радости испльнь глаголы дѣвица услышавши, помол'шисе о себѣ, «Се, — рече, — раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему. И отиде от нее аггель».

Ксень: Аще, по твоему слову, о цару, прѣжде даже той Иосифу сьнитисе, непразна от силы, еже рекль еси, была би, подобаше прѣжде обручениа паче, нежели по томь, радостной сей вѣсти вь ней рожьдьству быти, егда явѣ яко вь церкви бѣ.

Царь: Не вьсма вьнѣ слова сѐ мниши ми се недомышлятисе, нь словомь нѣкыим. Се бо ниня прѣжде тебе и непщуемому ее мужу Иосифу недомыслимо бысть. Раждающу бо зре и себе сьвѣды, яко неприкосновень вьсма своими рукама есть, зре бо и ону пакы говѣниемь и чьстиу кыпещу и подобное той благоговѣние в'сѣмь домашнимь вьздающи, непщеваниа же в'сакь образь иже о ней добродѣтелех от'емлющу, недо//умѣниемь отвьсуду л. 26г сьобращашесе, и не имѣаше что себѣ сьтворити, якоже без'дьн'ною нѣкоею пучиною толицѣмь недоумѣниемь погужаемь. И аще не би толикь душевны мракь и буру божеств'нь аггель, приближивсе, отгналь, «Не бойсе, — рекь, — Иосифе, рожьдьшее бо се вь ней от Духа есть Света. Родит' бо Сына, и наречеши име ему: Иисус; тѣ бо спасеть люди свое от грѣхѣ ихь», — аще и вь вещ'шу бѣду прииде. Яко убо прочее и Иосифь вь тѣхжде твоих вьпаде помыслѣ отсуду явѣ.

Виновнаго же еже не вь церкви, нь вь Иосифовѣ дому сей зачети сѐ есть. Аще бо, у Иосифа живущи и толико сьпрѣбывающи сь домашнымь множьствомь, — сыновѣ реку и дьщери и прочиимь служителемь Иосифовѣмь, — и толицѣми очесы об'зираема,[3] бѣ от оного, что не би убо на ней изьобрѣли обльгати хотещеи, како же не убо би сиу, вь блуда сьгрѣшение вьложивше, камениемь побили, аще вь церкви родила би, идеже уединение толико и от чловѣкь пусти сьживѣше? Сице же и раждающу и рожьдьшу и доещу зреще, никакоже от неподобных отступаху помысль,
л. 267 об. Иосифова // мнеще сына того быти, якоже и ты прѣжде мала рекль еси, единѣмь' бо Девици и Иосифу таин'ство познано бысть.

Зрѝ же и ино нѣчто странно, еже единой Дѣвици Марии бѣ от избытка и ниединой от иных другой. Мѣсту бо вь церкви дѣвамь сущу отлучену, вь нем'же никомуже убо от обрученных достояше якоже подобает стати, ино бо тѣмь мѣсто отлучено бѣ, иже дѣвамь сьбраниу и по обручениу архиерей, божеств'нымь подвижим Духомь, Дѣву Мариу приемле поставляше, аще и неистовное и кь убийством в'сегда вашим отцемь прѣклонное, иже присно божеств'ному Духу противещимсе, не трьпещу, убийства сего ради Захариу дѣло сьтворише.

Сице в'са сьмотрител'нѣ яже таин'ства сего болшему ходатайствовахусе, и бо и сице нарыцати подобати увѣдѣхомь сѐ, пльтьско явѣ яко сьмотрение. Отсуду же юже сьмотрити праведно есть и яже прѣжде толицѣх лѣть пророкы образнѣ видѣна и тайнѣ нѣкако и гадан'мы о ней речена.

Боговидець убо Моси купину на Синайской горѣ видѣ, в'су огнемь обьету
л. 268 и мнещисе убо горѣти, // ничесоже от огн'наго дѣйства побѣждаемѣ. Близ' же бывь и кь видѣниу многоиспитнѣйше приложень бывь, глас услыша божеств'н, вьображаемь на вьздусѣ: «Раздрѣши, — глаголющь, — сапогы от ногу твоею: мѣсто бо, на нем'же стоиши, земля света есть». Како убо иже от всѣх в'сегда наступаема земля света бѣше сущи? Како же и иже в'са изнурае ог'нь осежемую и удобь горещу вещь не изнураше? Что кь симь рещи имат кто? Ни бо мало коеждо есть кь удивлениу и явѣ, аще и ни кто глаголеть, яко земля убо, за еже на ней явльшеесе прѣславно бѣ свята, образ' же купина бѣ иже ог'нь божества приемшой чистой Дѣвици и от него не опаляема бѣше сущи.

Яко убо чюдесе ради и мѣсто свето бѣ и именовасе, явѣ от них' же и Михаилъ архистратигъ послѣди кь Иисусу рече Навиину вь Иерихонѣ. Самое бо се и кь нему тогда аггель рече, еже кь Моусеу на Синаи, явѣ яко: «Раздрѣши сапогъ свой: земля бо, на ней же сталь еси, света есть». И убо рещи имать кто, яко иноплемен'никъ бѣше земля: и где праведно бѣ онѣх сущи таковѣ
л. 268 об. непщеватисе? Нь кивоть, // иже Пречистые Марие бѣше образь, света сущи, и мѣсту сего прѣподасть. Толико бо убо Мосеа божеств'наго бысть.

Да видим' же и Аввакумом' реченнаа. «Богъ, — рече, — от Юга приидет, и светый от горы присѣнные чести, покры небеса добродѣтель Его, и разума Его испльнь земля». «Богъ от Юга приидеть», — сирѣчь сь свѣтомь своего божества. «И светый из горы», — рекше чловѣкь, егоже Христос вьсприет. «Из горы присѣн'ные чести», — приснодѣву Мариу сице нарыче: «гору» убо заеже всѣх прѣвьзыти и всѣх бывшому естеству причестившимсе несьсужденно прѣвьзьшьдши, развѣ иже от нее неизреченно пльтиу рожьдьшомусе; и яко от тые горы камень, сирѣчь Христос, бѣ, емуже образь иже вь пустыни камень бѣше, напоивши отце ваше: якоже бо онь вь сытость всѣм подасть пити, сице и мысльни сѣ камень в'сем богатно и испльнь божествьное слово подасть. «Честое же и присѣн'ное» — прикрьвеннаго ради и неу-

[3] Здесь не переведено слово ὑπενωεῖτο — «подозреваема».

добьвидимаго, неудобьпостижное отсуду новому рожьдьству прѣдставляе. «Покры небеса добродѣтель его» не о чювьстьвных небесѣ пророк зде рече, нь небесные силы небо // рече, сѐ явити хоте, яко иже от Дѣвы родивысе л. 269
в'сяку добродѣтель аггелѣ и в'сѣх несьсужденно прѣвьзыде.

Не по пльтьскому же естеству того прѣвьзыти реку аггелы, по сему бо мьни от инѣх бысть. Якоже нѣгде и Давыдово назнаменуемое имат еже «Ум'ниль еси Его маломь чимь от аггелѣ», — явѣ яко по пльтьскому естеству; нь по добродѣтели «славою же и честиу, — рече, — вѣнчаль еси Его», — страданиа ради сьмрьти. Еже бо от сьмрьти и вьскресениа честиу же и славою, якоже нѣкоею почьстию, сего Отець вѣнча, яко губителя в'сѣх низврьже, диавола. Наводит бо по семь яко «В'са покори под нозѣ его». Вьнегда «в'са» рещи ничесоже от сущих оставль вьнѣ покорениа Его, аггелы реку и чловѣкы и в'су тварь. Сим' бо сьглашаеть и Моусеово божеств'наго «Да поклонетсе, — глаголющу, — Ему в'си аггели Божии».

Како же аггел'ское естество не токмо не прѣвьзыде Сына Дѣвые добродѣтель, нь и «покри», от нихже глаголахомь, аще помниши, явѣ. И бо прочее и помнѣти мню, егда иже от вѣка чловѣкомь никомуже в'са Светаго Духа дарованиа глаголахом приети, нь тькмо Господьскому чловѣку. Ин' бо ино от дарований, и инь друго приеть,[4] а иже паче естества и слова Чловѣкь, егоже Божий // Сынь вьсприет, в'са дарованиа Светаго Духа[5] приеть.[6] л. 269 об.

Якоже бо желѣзо, студено сы естеством и чрьно, огню сьвькупльсе, сьгрѣваетсе и свѣтло и неприкосновено жежкаго ради бывает, сице и иже паче естества Чловѣкь, сьединивсе божеству, в'сѣх сущих того богат'ствии наслѣдова. Вьлѣпоту прочее и Давыдь тоговѣмь в'са покоритисе ногамь рече, и Аввакумь добродѣтель его убо покрыти небеса, разуму же земли испльнитисе. Ниединому бо от елицѣх рожденному причестившесе естеству разумь вьселеную испльни, нь тькмо Христовь. Им'же убо Бога, тогожде вькупѣ и чловѣка Аввакумь проповѣда, и им'же светость прѣзѣлное иже того по пльти рожьдьшой, и еже о ней таин'ству неудобьсказаемо же и непостижимо, «гору» сиу нарыче «честу и присѣнну», сиа есть.

Ин' же намь,[7] аще мнитсе, пророкь да утѣшает Даниил, желаниомь мужь. Рече убо сѣ в третиемь от видѣний своих, цара Навуходоносора сьнь сказуе: «Ты, цару, зрѣше, и се образь единь, великь образь онь, и видѣние его прѣвелико, стоещу прѣд лицемь твоимь, и видѣние его стра//шно, — л. 270
образь, егоже глава от злата чиста». Глаголе и прочее образа вьображение же и изьявление, таже рече, яко: «Зрѣше дондеже отсѣчесе камень без рукы, и порази образь вь ногу желѣзных и скудѣлных, и истьни е до конца. Тогда истьнчишесе вьсма скудѣль, желѣзо, мѣдь, сребро, злато и бываше яко прах от гумна жетьвна, и извръже сиа множьство вѣтра, и мѣсто не обрѣтесе ихь, и камень, поразивы образь, бысть вь гору велику; и испльни всу землю. Се есть сьнь, и сь суждение его речемь прѣд царемь».

Прошьдь убо прочее, каковые же вещи коеждо бѣ от образных честий и чесому от вещий назнаменател'но, и которому убо от царий бѣ сребро прикладно, которому же пакы злато, и мѣдь, и желѣзо, и ина, тогда рече: «Вьскрѣсит Богь небесе царство, иже вь вѣкы не растлитсе, и царство его людемь инѣмь не оставлено будеть, и истьнить и расточит в'са царствиа, и сие вьскреснеть вь вѣкы. Имже образомь видѣль еси, яко от горы отсѣчесе

---

[4] «нь тькмо ⟨...⟩ приеть» приписано на поле, как кажется, той же рукой.
[5] Здесь отсутствует перевод слова πάντα.
[6] Здесь отсутствует перевод слова τὰ χαρίσματα.
[7] Последние две буквы — «мь» зачеркнуты, хотя в оригинале ἡμῖν, и над словом под титлом поставлено «с», так что получается «нас».

камень без' рукы и истьни скудѣль, желѣзо, мѣдь, сребро, злато, Богъ великы сказа цару яже подобаеть быти по сих. И истиньн сьнь, и вѣрно
л. 270 об. сьсужде//ние его».

Аз' же убо мню, ниедино иже сиа трѣбовати чистоти же и сказаниа, ниже быти никому иже паче сказающа, множае бо от свое мысли наносетсе рекшому свѣтлое и неприкрьвенное. «Вьскрѣсит», бо рекшу, «Богъ небесны царство, иже вь вѣкы не растлитсе», показано бысть явѣ, яко и начело таковое царство приимет, иже есть Христово, и бесконьчно будет. Начело убо приеть, егда по пльти родисе, паче же егда, распет бывь, вьскресе прославлень и на небеса вьзыде; коньц' же никогдаже прииметь, яко прѣмирно же и божеств'но. За еже убо «вьскрѣсить» и еже «вь вѣкы не растлитсе» сѐ, еже рѣхомь, назнаменоваше пророкь. А за еже «рас'сѣеть в'са царствиа и истьнить, и сие вьскреснеть вь вѣкы» крѣпкое и непобѣдимое его рече: яко неистовещасе и висещасе мир'скаа царствиа игу Своего бесконьчнаго царствиа покори.

А яже убо по сих от прѣждереченых явленнѣйша, истиннѣйше бо еже от Дѣвы рождьство свое прѣдставляе: «Им'же образомь видѣль еси» рече, «яко от горы отсѣчесе камень без' руку, и истьни скудѣль, желѣзо, //
л. 271 злато, мѣдь, сребро», сѣ камень, отсѣкысе без руку от горы, бысть вь гору велиу и порази в'су землю. Сѐ противу глаголе, вьистину,[8] якоже камень отсѣкыйсе без' руку от горы оно сьтвори, сице и иже от Дѣвы без' сѣмене — се бо есть еже «без' руку» — рожьдьсе всу себѣ покорит вьселеную, а еже ниня убо на самых чистѣ прѣдстоит изрѣти вещех, в'са бо подсолньчнаа, божеств'ны кресть вьзьм'ше, вьслѣдь в'си еуагтел'ских шьствують повелѣний же и учений.

Зрѝ же, како «камень» множьстьвнѣ от пророкь Христос наречень бысть, сьздание прѣдзрет Церкви и проповѣди. Аввакум' бо убо из горы того приити рече. Даниил' же ниня яснѣйше камень без рукы отсѣчень от горы рече. И сих еще свѣтлѣйше Исайа, «Се азь вьложу, — глаголе, — вь основаниа Сиону камен' многоцѣньн', изьбрань, краеугльнь, чьст'нь вь основниа его, и вѣруей вь нь не имать постидѣтисе».

Еже бо Аввакумь за еже «приидеть» и Даниил за еже «вьскрѣсить» являют, лѣтное явѣ яко и начето царство его быти, се и Исаиа за еже «се» указателному прѣдставляеть. А еже «вьложу камень вь основаниа
л. 271 об. Сионове» сѐ хощет явити, // яко, понеже основаниа кромѣ ниедину бо здание тврьдое имат и непоколѣбимое, ниже Сионь — церкви явѣ яко — станеть, аще не иже чьсти в'сакые выш'ши камень, Христос, вь тѣх'жде основании подложень будеть. Яко убо камень Христа пророкь рече, и не единого от иже по земли валяющихсе, неразумно бо, от самых наводимых явлено, «вѣруей, — бо рече, — вь нь не постидитсе».

Аще ли вѣруей не постидитсе, явѣ невѣруей что постраждеть? Оно же убо извѣстно, — еже и отци ваши пострадаше: не тькмо не стати и утврьдитисе вьсхотѣвше на нь, нь и в'сакымь образомь отрынувше и вьзненавидѣвше. Сего ради и посрамишесе убо. Еще же множае постидетсе, егда высокую мышцу Господню познают, по пророку.

О сем' же камену и Давидь рече еже: «Камень, егоже искусише зиждущеи, сѣ бысть вь главу углу, и есть дивна вь очию вашею». Сѐ глаголе, яко понеже двѣ стѣнѣ угль сьвезуеть, сице и иже от зиждущиих иудей церковь искушень бывь камень, егоже вь основаниих Сиону Богъ вьложи, сирѣчь Христос, Ветхы Завѣт Новому сьчета, и горняа сь

[8] В оригинале: ὅτι.

до//лними зѣлное вражди погубль, еже вышнее силы сь чловѣкы имѣаху, л. 272
за еже славу нетлѣннаго и бесьмрьтнаго Бога идоломь глухымь и гадомь и четвероногымь измѣнити, единь градь, небеснаа же и земльнаа сьтворь, еже и дивна явитисе непокоршим'се иудеом, рече о нем же и посрамитесе сего ради. Прѣидѣм' же на Иезекиила.

«Обрати ме, — рече, — Господь на путь вратом светиих вьнѣшным, зрещимь на вьстокы, и сиа бѣху затворена. И рече Господь кь мнѣ: врата сиа затворена будуть, не отврьзутсе, и никтоже не имат проити скрозѣ ня, яко Господь Бог Исраилев вьнидеть скрозѣ ня, и будуть затворена, зане игумень сѣ сѣдит на не сьнѣсти хлѣбь. По пути Елам'скыхь врат вьнидеть и по пути его изыдеть. И вьведе ме на путь врать светиих кь сѣверу прѣмо храму, и видѣх; и се, испльнь славы храмь Господень».

Сьматрай сего ради, Ксеню, како, аще и рѣчмы инѣхь ина разньствують, нь мыслию убо зѣло в'са сьглашают. Мнїю же ни же рѣчемь различие без' божеств'ные чести быти. Аще бо якоже умомь, сице и рѣч'мы сьглашалисе
быше, не мала сиа убо сьложитисе лукав'ству искушаю//щих. Мнѣаху бо л. 272 об.
убо сиа от сказаниа рещи. Обаче же да видимь, яже рече Иезекииль.

«Обрати ме Господь на путь врать светиих внѣшних, зрещих на вьстокы, и сиа бѣху затворена. И рече Господь кь мнѣ: врата сиа затворена будуть, не отврьзутсе, и никтоже не проидеть скрозѣ ня». По речениа убо плаваемому[9] и явленному о храму вратох пророк мнится бесѣдовати. Будет' ли кто вьсма сице неразум'нь и ненаказань, иже вьистину о сих глаголати вьзнепщуеть? Никакоже, мнїю, в'сегда бо она̑ и отврьзахусе, и затвораху, и не скрозѣ она тькмо, нь и скрозѣ в'сѣхь в'си исхождаху и вьхождаху. Нь о нихже рече вратох, явѣ от нихже наводит творить, рече бо: «Яко Господь Богъ Исраилевь вьнидет скрозѣ ня, и будуть затворена». — Яко убо о еже вь светѣй Дѣвѣ Сына Божиа неизреченномь рече вьшьствии и изьшьствии. Сего бо ради и рече и еже «будуть затворена», и пакы «Игумень сѣ сѣдить на них сьнѣсти хлѣбь», «Игумена» глаголе егоже Господа выш'ше и Бога Исраилева рече. А еже «сьнести хлѣбь» вьмѣсто еже «истиньн' чловѣкь будеть» положи, чловѣком' бо еже хлѣбь ясти. «По пути же //
врат Елам'скых вьнидет и по пути его изыдет», — явѣ яко, якоже, Дѣвѣ л. 273
сущи, зачеть будеть вь ней, сице и, Дѣвѣ прѣбывши, пакы родитсе.

Таже «вьведе ме, — рече, — Господь по пути врат, еже к Сѣверу, и видѣх: и се испльнь славы храмь Господень». Како убо путь единь рече и тьжде, врата же различна? Явѣ яко тажде Дѣва убо сущи зачеть, и Дѣва сущи роди; различие бо вь сих еже кромѣ убо пльти вьхождение быти, исхождение же не подобно, нь сь пльтиу. Аще ли же много испитовати кто безврѣменно хощет и образь искати и слово, по емуже сице сиа имут, да вѣсть сѐ постижение всѣх прѣвьзьшьдь аггелѣ же и чловѣкь.

Сут' бо убо и ина множайша, яже от Дѣвы вьплщение и неизречен'ное рожьдьство Бога и чловѣка Слова явѣ прѣдставляюща, нь любопрьное в'сѣх произьшьствиа отбѣгае, оставляю убо еже в'са испитовати и сьчетавати, елико же есть вьмѣстно, вьспомѣну.

Иаковь, от студенца изьшьдь клетвьнаго и пошьдь вь Харань, вь сьн' же вьзлегь, видѣ лѣствицу, утврьждену на земли, «ей же глава досезаше до небесе, и аггели Божии вьсхождаху и нисхождаху на ней, Господь же
утверьждашесе на ней, и рече: Азь Господь, Богъ А//враама, отца твоего, л. 273 об.
и Богъ Исаака, не бойся» и прочаа. Таже «вьста, — рече, — Иаковь от сна и рече, яко: есть Господь на мѣстѣ семь, азь' же не вѣдѣх. И убоасе, и

---

[9] Τὸ ἐπιπόλαιον — «поверхность» переводчик принял, очевидно, за τὸ ἐπιπλεῦον — от глагола ἐπιπλέω — «плавать».

рече, яко: страшно мѣсто сѐ. Нѣсть сѐ, нь храмь Божий, и сиа врата небеснаа».

Зрѝ убо, како и зде врата Иаковь лѣствицу именова, на нейже Господь утверждашесе, Иезекиилу по сему сьглашае. Еже бо онь врата рече свѣтилищу, Дѣвую являе, се Иаковь врата рече быти небеснаа. Лѣствицею же сею, юже врата рече, чловѣчьскому естеству Сынь и Слово Божие сьединисе.

Нь убо от иных ина слово прѣемша, много от Исайинѣх словесѣ нас отведоше. Тѣм' же врѣме есть она пакы вьсприети. О еже убо «Се Дѣвѧ̀ вь чрѣвѣ приимет и родит,[10] и нарекут име ему Еммануиль», рекше «С нами Богь», поелику бысть мощно, проидохомь. Да смотрим' же и что по сих рече.

«Масло и медь снѣсть; прѣжде даже разумѣти тому или изьбрати лукаваа, избереть доброе; зане, прѣжде даже разумѣти отрочету добро или зло, отврьжеть злое и избереть доброе». Онѧ̀ убо прочее Бога истинна прѣдставляше раждаемаго от Дѣвы, якоже сказано бысть, сиа же и чловѣка
л. 274 тогожде истинна // проповѣдують, а не по привидѣниу, якоже нѣции от еретикь безумно вьзнепщеваше. Еже бо «масло и медь сьнѣсть» еже истиною вьсприети плоть являет, таковых бо браш'нь ни Бог, ниже аще кто по привидѣниу чловѣкь будет потрѣбуеть, нь иже истиною нашей сей дебелейшой пльти бывь причестникь. Явѣ вьистину, яко Бога купно и чловѣка, иже от Дѣвы рожьдьшагосе, Исайа прѣдглаголеть.

«Прѣжде даже разумѣти тому или избрати злаа, изберет доброе; зане прѣжде даже разумѣти отрочету добро или зло, отврьжеть злое и избереть доброе». Вьнми, о Ксеню, мыслию реченнымь. В'си иже от Адама имут убо еже и онь от Бога почтень бысть — самовластное, единѣмь иже вь чловѣцѣ Божиимь образомь. И семуже сущу, имут же и произволител'ное. Се же есть различнымь нѣкоторым и многымь или двѣю мьнее вь власти кому лежимымь, единою от сих кое-любо из'брати. Да речемь убо цѣломудрие вь власти и блудь лежати кому, и нужди быти единому отгнану быти, другое же из'брати, обоя бо невьзможно. Аще убо прочее цѣломудрие
л. 274 об. вьсхощет, явѣ яко благое изьбра, аще ли же блудь — злое, еже по па//денѝ Адамовѣ, сирѣчь сьгрѣшени, издастсе сущимь по ономь. Богь бо без грѣха того сьтвори. Елма убо Христос естество Адамово еже прѣжде грѣха приет, по-нужди и без грѣха сие приет.

Ксень: Гаданиу приискрьнно непщуеши ми се глаголати, о цару. Како бо тожде убо Адамово естество Христу приети глаголеши и едино крѣпишисе и обоих быти, таже, якоже протесае, грѣшну убо елико Адаму подобает быти рекль еси, другому же безгрѣшну, Христу явѣ яко?

Царь: Сѐ истинно рекль еси, яко прѣславно есть и дивно. Обаче не якоже тѣ славиши, льжно сѐ непщуе и бледениа испльнь, нь яко высоко же и божеств'но. Яко убо ничтоже вьзбраняеть единому сущу Адамову естеству и Христову, Адамову убо грѣшну быти, Христову же безгрѣшну, удобнѣ же познаеши и ничтоже ти сумнително еще прѣбудет.

Принеси убо да речемь двѧ̀ нѣкаа быти: овому убо недугующу, другому же здраву и врачу зѣлну и могущу недугующому здравие напльнити. Прочее убо различна ли речеть кто онѣх естества, елма овь убо недуж'нь есть, ов' же здравьствует и ходит и исцѣлити имат недугующаго? Никакоже
л. 275 потрѣба будет. Тожде бо есть обоих, // аще и по нраву много разньствова. Прочее, тѐ убо будет некли Адамово естество, еже Христос вьсприет. И ничтоже вьзбранит, аще овь убо кь злому уклонисе, ов' же неуклонимь

[10] Пропущено «сына» — υἱόν.

вьсма и непрѣклонимь кь грѣху пребысть. Ни бо естество сьгрѣши Адамово, нь произволение. Явѣ яко от нихже не естество, нь тѣло осуждено бысть и сьгрѣшающее произволение. И прикоснувшеесе тѣло отреченному дрѣву, за егоже недугова невьздрьжаниа, тлѣниу и смрьти осуждень бысть, естество же, бесмрьтно суще, прѣбысть, аще и тѣло тлѣние приеть.

Сего ради мой Христос и Богь, не трьпе свое създание мучимо зрѣти, утробу вьзьмь естества, а не грѣха оногова, — прѣстани! — нь якоже волею себе оногову падениу сьпрѣклон'се, се бо в'сакь ниня стое творит, лежеща вьздвигнути хоте нѣкого, вьскрѣси же от лютѣйшаго оного падениа, и сьм'рьти и тлѣниа свободи. Приеть убо Христос, якоже речесе, не сьгрѣшившее убо Адамово естество, лежещее же обаче прѣступлениа ради, от прѣслушаниа убо грѣху не причестивсе, а иже от сего осуждениу чловѣколюбнѣйше при//честив'се, яко и Давыдово вь сем сьбыватисе *л. 275 об.* явленѣйшѣ глаголющее: «яже не вьсхыщах, тогда вьздахь».

Явѣ яко Адамь убо, сьгрѣшивь, не неподобнѣ осужден бывь. Аз' же грѣха вьсакого неприкосновень сы, подобное осуждение вьсприехь, сьмрьть явѣ яко и тлѣние. Обаче елико иному убо грѣху запрѣщение сьмрьть дассе, да не злое бесьмрьтно будет. Христос же вь адѣ сьмрьтиу сьшьд, не яко не удрьжань бысть по иных, нь божеств'ною и дрьжавною рукою в'се испразни сего тврьдине, разорена же в'са царствиа положи, от горких же узь узникы испустивь, остави ходити, и везати подасть власть прѣжде свезавшего. Се бо есть еже вь Иовѣ реченное, якоже нѣгде речесе, еже: «Видѣвше Те, устрашашесе вратници адови», сирѣчь бѣсове, и «Сьшьдь, плѣниль еси плѣнь», сирѣчь еже вь руку адову дрьжимых святиих душь.

Христос бо убо, якоже указано бысть, не подлежаше прѣотчьскому грѣху, якоже не сьгрѣшившому его причестивсе естеству. «Укараем', — бо рече, — не укараше», «ни обрѣтесе льсть, — рекше грѣх, — вь устѣх Его».

Подписати же тебѣ в'се слово нѣкоторымь образомь добро непщевах.

Вьобрази бо ми вь умѣ цара, всѣх прѣмудрости//ю и дрьжавою *л. 276* привед'ша,[11] единому от любимых ему рабѣ градь многомуж'нь вьвѣрившу, многыми кыпещу благыми, повелѣн'ми же нѣкыми владыцѣ и якоже опрѣдѣлен'мы рабу нравь прѣдудрьжа, и еже убо вь в'са приступление невьзбранно и причестие свободно оставльшу и вса убо трѣбовати рабу попустившу, дому же единому вьзбранивша вьсма, егоже самь Господь вь зѣло опасно утверди, яко убо никакоже убо отврьзену быти, ниже испитати яже в немь. Помысли же ми и нѣкоего врага, иже чьсть приемшому, якови мнози иже инѣх благоденьствиа ловет, завистиу друга убо подвьшьдьше лицемѣрие, в'са же мрьска и сьвѣтующе и твореще, иже приступль, «Что тебѣ убо ина, — рече, — под областиу в'са лежат, едина же ти сиа храмница не вьходна? Или не вѣси, яко царь, позавидѣвь твоему вьходу, отлучаше те? И бо аще, ключе ськрушивь, вьнидеши, ниже вьмѣняти благоденьствие достоит' ти: толицѣм' бо насладишисе скровищамь». Симь от неразумиа оному вѣрившусе пагубны сьврьшити сьвѣт, иже // тмами вина зьлѣ сему *л. 276 об.* наста, от славнаго бо града отпаде и тмами отсуду поживе скрьб'мы, оному прьвому вражьдьбну искуш'се, иже пагуьны сьвѣт сьвѣтовавшу, пуста бо того владычняго промышлениа купно и кротости обрѣт врагь, и оков'мы тѣло прѣдудрьжавь, вь несвѣтлѣ нѣкоем и тьмнѣ узилищи вьсеродна сего вьврьже.

Нь не до конца в'сѣх кротчайшы владыка разгнѣвасе, нь вь малѣ попустивь томление, якоже ума сьгрѣшивша дрьжати, благохытростнѣ нѣкако искаше по семь отпадениа вьставити. Тѣмже себе от царскые убо сьведе

---

[11] В оригинале: παρενεγκότα — «превзошедшего».

высоты, затворенаго же вь тьмници раба худу одежду вьсприемь и образь, вь лютааго оного мучителя прииде жилища. Егоже онь видѣвь, яко рода убо тогожде есть свезанному и образа убожьству поругань бывь, ни познавь убо отсуду ськрьвен'наго вь убожьскых онѣх ризах цара, в'са убо подвиже, в'сакы же навѣта видь хытрьствова, яко убо и того вь тьмнѣ и мрачнѣ мѣстѣ ономь затворити, еже убо и бысть. И вьведень бысть убо волею иже
л. 277 рабу // свободу устраяе царь, нь не яко плѣнень якоже заповѣдь прѣступивы.

И бо вьведень бысть, якоже речесе, не свезан' же бысть, никакоже сѐ нечьстивому оному вьзмогшу, таже[12] и воин'ство в'се свое водещу. Нь вьшьдь в'са ськрушивь и врата и вратникы, и сьгрѣшившому рабу узы растрьзавь, в'седомовнѣ убо пакы раздрѣши сего от бес'словѣснаго и горчайшаго мучениа оного. Толико же чловѣколюбие показа, яко не тькмо же ниня прѣжднему оному житиу и тѣм'жде благымь дароватисе, неразумнѣ сьдѣавшому, нь и сьсѣдѣти тому сьтвори, и от всѣх сьпокланяему быти сущих под ним.

Таково прочее нѣчто разумѣй и о Спасѣ нашемь Христѣ. Прѣотца бо нашего Адама, якоже божествны повѣдуеть Моуси, божеств'ную заповѣдь прѣступльша и дары божеств'ные растлѣвшу от невьздрьжаниа, бесмрьтие глаголю и нетлѣние, вь землю же прочее приемлетсе,[13] по божеств'ной клетвѣ, вьзвратившусе, не остави Създавы до конца разорену быти, нь вь малѣ оставль наказану быти сьгрѣшениа ради, ущедривь, спасе по семь,
л. 277 об. прѣклонь небеса, // о чюдеси!, и пльть приемь одушевлену от Духа Прѣсветаго и от еже яко вьистину Приснодѣвы Марии, в'се убо естество облькь Адамово, «непрѣложно» же и «неизмѣнно» прѣбывь Богь, еже бѣ.

Обаче егоже ради тебѣ сих и пакы вьспоменути не облѣнихсе, се есть, яко страстное убо Адамово сугубо бѣше: ово убо грѣха ради облькаемо, ово же необльгаемо тѣла ради. Тѣмже и самовластное убо его и произволение сьгрѣши, естество же никакоже. Нь Христос Адамова в'са развѣ обльчаемых страстий и грѣха приемь, ниже бо вь свѣтѣ т'ма есть, нельжнѣ нашей пльти причестисе, света и праведна имѣе произволение же и самовластное, якоже нѣгде и в'сѣми убо божеств'ными пророкы речено бысть, и ниня же Исаиемь богопроповѣдником: «Масло, — бо рече, — и медь сьнѣсть, прѣжде даже разумѣти ему или изьбрати злое, из'брати благое, зане прѣжде даже разумѣти отрочету добро или зло, отврьжеть злое, изьбрати благое».

Видиши ли, како вьсѣмь пророком божеств'ное[14] пришьствие сьгласно вьспѣваетсе? Како не убо праведно бѣше свободному от грѣха, — «Ни бо
л. 278 обрѣтесе», // якоже божеств'ны рече пророкь, «льсть вь устѣх его», — повинна быти грѣху прѣступльшаго? Сего ради, понеже сьврьшень чловѣкь Сынь и Слово Божие бысть и пльтьскымь по нужди нельжнымь и сьставител'нымь страстемь причестисе, еже ясти же и пити явѣ яко, и спати, и иными, их'же сѐ нашее тѣло кь еже сьставлятисе трѣбуеть, аще и чловѣколюбиемь и осуждение приеть Адамово, сьмрьть явѣ яко и тлѣние, якоже прѣжде мала и Давыда рѣхом еже «Яже не вьсхыщах, тогда вьздаях» провьзгласити. Обаче нь симь убо, якоже сьврьшень чловѣкь бывь, подлежаше.

Яко же Богь пакы, елика подобаху тогову божеству, по господству многу твораше, нь не, якоже иже прѣжде святии, туждею силою Божиею: грѣхы бо отпущаше властиу иже тому приступающим, никому прѣжде сего сѐ вьзмогшу, яже отци ваши зреще не яко не разумѣше, нь и на нь зубы

---

[12] В оригинале: καὶ ταῦτα.
[13] В оригинале: ἐξ ἧς εἴληπται — «из которой был взят».
[14] Не переведено слово Σωτήρος — «Спасителя».

поощраху, свезаеми яростиу, безмѣрною еже посрѣдѣ по неразумиу и диавола прѣвьзьшьдьше. Он' бо убо от истины изгонимь, Бога того исповѣдаше, «Что мнѣ и тебѣ, — вьзвав, — Иисусе, Сыне Божий? Приш'ль еси прѣжде врѣмене мучити нас», — сии же благодѣтеля и Спаса миру и ду//шам ихь *л. 278 об.* свободителя не увѣдѣше, нь сьмрьти прѣдаше. Обаче убо Сынь Божий спасти вьссхотѣвь сьгрѣшившаго и упразнити запрѣщение, и раздрѣшити повин'ные, чловѣкь бывь, себе на смрьть прѣдасть, обаче волею, сего бо ради и самь глаголаше: «Власть имамь положити душу Мою, и власть имамь пакы вьзети ню»; присвѣдѣтел'ствующу и Давыду, егда глаголаше: «яко чловѣкь без' помощи, вь мрьтвых свободь», — свободна рекшу яко безгрѣшну; безгрѣшному же гдѣ праведно бѣ сь мрьтвими вьмѣнитисе?

Пострада же пльтиу хоте, бестрастнѣ божествомь, и умрѣт яко чловѣкь бесчьстною сьмрьтиу животу Податель и Царь славы. И сьшьдь вь адѣ, вратникы же его изгоняше, страхомь велиемь и боязнию сьдрьжимых, якоже и Иовь рече: «Видѣвше бо те, — рече, — ужасошесе вратницы адови», и узы убо адовы ськрушивь, многолѣтное его мучител'ство низврьже, и Адамовѣмь отродовомь того вь поругание и наиграние дасть, яко убо и Давыдово вь семь сьбытисе глаголющее: «Вьзьш'ль еси на высоту, — на крестѣ явѣ яко, — плѣниль еси плѣнь», — сирѣчь их'же вь руку адовѣх // дрьжимых душь. *л. 279*

Самого убо прѣродителя нашего Адама на прьвое устрои благоденьство же и блажен'ство, сирѣчь вь раи, тогово же естество купно сь прѣсветымь и божеств'нымь вьсприетиемь, еже от прѣчистых крьвий Приснодѣвы Марии приеть, от десных Отечьскаго сѣдалища посади, единопрѣстолно показавь и сьпоклоняемо Светѣй Троици единѣмь поклонениемь от аггель же и чловѣкь, в'сѣми тѣ украсивь похвалами божества, егда убо и Мосейское и Давыдьское сбысьсе слово, «Да поклонетсе, — глаголе, — ему в'си аггели Божии».

Аще ли же вьсма добрѣ о сих сматрати хощеши, противуположи еже прѣжде мала тебѣ земльнаго царя реченны образь и вьистину подобьно в'сему обрѣщеши сьмотрение Сына Божия и Слова. Навыкнеши же сѣ болше, проходещу намь слову.

О прѣсветѣй убо Его Матери сматрати ти дльжно есть вьистину, яко убо Адама дьщи подлежаше тогову грѣху, ни бо еще Христос, иже сего раздрушь до конца, распет бысть; обаче не яко тѣ сьгрѣшивши, нь якоже нѣкто недуговавь убо естест'внѣ, равностиу же излитиомь не вь сѣ вьпадь. И онѣ убо силою сьгрѣшати и//мѣаше, «Вь безакониих», бо рече, «зачет *л. 279 об.* ес'мь, и вь грѣсѣх роди ме мати моа», дѣйством' же никакоже ниже по души, ниже по тѣлу, добродѣтел'наго ее ради прѣзѣл'ства. Елма убо от всѣх родовь изьбрана бысть иже послѣди по оной бывших же и бываемых, сьсуд мысльное и божеств'ное муро приемши, иже всѣх аггель же и чловѣкѣ облагоухае, тѣм'же никтоже от сьпротивных силѣ наскочити той смѣвь. Якоже бо вь Вавулонѣ пѣщь их'же вьнутрь себе имѣаше орошаше и прохлаждаше, а иже окресть ее врагы попаляше, сице и ону сьвыше осѣнившиа сила божеств'на ту убо укрѣпляше и освещаше, и вьзмагаше кь еже вьзмощи вь врѣме рождениа стрьпѣти спасеное рождьство, в'саку же сьпротивну силу отгоняше и прѣжде зачетиа и по зачетиу, и вь вѣкы же вѣком на ней будет. Прочее Христос убо по естеству, сиа же по благодати имат безгрѣшное.

Сьлучает' же се от сих и оно раздрѣшитисе недоумѣнное, еже вь више сущиих недомыслил'се еси словесѣ, явѣ яко, како Адамову естеству лежиму Христос причестив'се Материу своею, не лежит и тѣ по нужди, нь стое

л. 280 // сам же есть и лежимых вьставляти может. Аще ли же тебѣ еще что прѣбывает еже сумнѣтисе, глаголати имаши убо.

Ксень: Добрѣ зѣло мнѣ сѐ и явленнѣ раздрѣшиль еси.

Царь: Прочее на Иса'у и пакы да вьзвратимсе. Рече убо прѣжде: «Галилеа езыкь, людие, ходещеи вь тмѣ, видѣше свѣт велей; живущеи вь странѣ и сѣни сьмрьтнѣй, свѣт вьсиаеть имь», таже и вьсиати хотещу на езыкы свѣту виновнаго назнаменати вьсхотѣвшу, «яко отроче, — рече, — родисе вамь, сынь, и дасе вамь, емуже власть бысть на рамѣ его, и нарыцаетсе име его Велика Сьвѣта Аггель, Чюд'нь Сьвѣтникь, Богь Крепокь, Властелинь, Кнезь Миру, Отець Будущаго Вѣка. Приведу мирь на кнезе и здравие ему, и велиа власть его, и миру Его нѣсть прѣдѣла».

Сматрай сего ради, колика нѣкаа и какова сими показа божеств'на же в'са и чюдесе пльна. Приходимое бо веселие на езыкы проповѣдаеть зѣло свѣтло и виновнаго сему показуеть, и которы образь сего пришьствиу, яко пльтиу истинною, а не привидѣниу. «Отроче, — бо рече, — родисе вамь,
л. 280 об. сынь, и дастьсе вамь». Зрѝ же и каковѣми имен'мы сего славить // и якоже ниедино имене прѣзѣл'ство оставль, имиже Богь несумненно начрьтаваетсе.

«Галилеа, — рече, — езыкь, людие, ходещеи вь тмѣ, видѣше свѣт велей» и «живущеи вь странѣ и сѣни смрьтнѣй, свѣт вьсиаеть на вы», — иже вь Галилеи явѣ яко суще и вь неразумии тьмнѣ и помраченомь мѣстѣ сѣдеще, сирѣчь окованѝ и якоже спещеи неподвижнѣ от нераденіа кь доброму имуще, — сѐ бо являет еже «сѣдеще», — вѣдите, яко свѣт велей богоразумиа вьсиает на вы пришьдшим и научившимь вас Словомь Божиимь. Таже, явленѣйшѐ тѣмь творе радости виновное, «яко отроче, — рече, — родисе вамь, сынь, и дастсе вамь», — еже яко вьистину, якоже рѣхомь, пльтиу хоте приити глаголе свѣта подателю вьз'оживлениу, нь не по привидѣниу, якоже суетни манихене блѣдут. Се бо ниня прѣжде мала и за еже масло яст и медь прѣдставляше.

«Емуже власть бысть на рамѣ его», — двѣ нѣкои симь пророкь намь назнаменоваше: яко убо естест'вна есть тому власть, а не от иного кь нему
л. 281 сьшьдьшиа, якоже чловѣчьскые, нь прѣвѣчна и присносущна; и яко вла//сть его и слава, рекше кресть, на рамѣ его. Егда бо тому сьмрьть распеншеи судише сь многыми инѣми, яже на поругание скврьн'нымь онѣмь изьобрѣтено же и сьдѣяно, и кресть, на нем'же хотѣаше пригвожденъ быти, на рамо вьзети и кь льбному мѣсту ити осужденъ бывь. Нь убо зде дошьдьше, от многых мала нѣкà и о божеств'номь кресту да вьспоменемь.

Вѣждь сего ради, яко не тькмо по еже распету быти Христу божеств'наго сего дрѣва сила дѣйствова же и просиа, нь и много прѣжде сего и многыми, якоже и инà от таинѣ прознаменовахусе. Абие бо патриархь Иаковь Иосифа, своего сына, отрокы, Ефрема реку и Манасиу, благословити хоте, прѣмѣнивь тѣмь руцѣ положи, еже божеств'ные бѣ вьистину силы крестнѣ образь прѣдначрьтающи. Знамение же еже сыну его Иосифу прѣдстоящу и прѣложити руцѣ начинающу, не хотѣти, нь рещи: «Вѣмь, чедо, вѣмь», — сирѣчь: «Ты убо непщуеши ме заблуждати и потрѣбное погрѣшати, нь нѣсть таково, вѣм' бо азь, коимь образомь сѐ твору». Се бо прочее таково.

Что же убо речет кто о Моусеу, егда сь множьствомь евреанѣ от
л. 281 об. егуптѣнѣ бѣже, правѣ убо вь прьвой ранѣ Чрь//мное раздѣли и прѣиде, от страны же пакы другому сие сьвькупи, обращеннѣ ударь, егда и фараона потопи? Прочее, нѣсть ли явѣ измѣненное убо жьзла явление крест образоваше, а еже тѣмь колесницамь и конемь купно погружатисе и истопити противником и гонещимь еже на мысльнаго фараона, диавола реку, крестомь

побѣду и сьврьшено низврьжение? А еже от него пакы вьврьжен'ное вь Мерру дрѣво, и горкое водамь вь сладость прѣлож'шу и пиваему сьдѣлавшу, что когда бѣ убо не знамение ли явлено бывшаго крьстнаго дрѣва мирови сладости? Егда же пакы Моуси рукама простртьиемь побѣждаше Амалика, егда не явленнѣйшѣ образ крьста божеств'наго и силу проначрьта прѣдставляше? Простираемом' бо тому рукам и кь Богу вьздвизаемомь, побеждаемь Амаликь бѣжаше, болѣзниу же низводимь аще случитсе, пакы обращаема случахусе яже по бѣдѣ, гонещеи бо бѣжаху, а иже сѐ страждуще вьзвращахусе напрасно укрѣпляеми. Разумѣв' же Моси, колико // что руцѣ на *л. 282* вьздѣние двизати ползуеть, поднимати убо сихь муже обоюду поставивь, побѣждает же вьсма Амалика божеств'нымь симь крестнымь образомь.

Аще ли же подобаеть и множае испитовати и от иже вь вас и тогда дѣйствуемомь и ниня есть сѐ приети. Что бо убо речет кто ино вамь, аще не сѐ хощете пожираемаго на коеждо лѣто агньца просто убо от главы единому повѣшати дрѣву, другому же пакы от страны прѣднее ногы протезати, образ' бо убо креста древеса, агньц' же — Христу?

Нь и еже вь единомь от празникѣ ваших, егоже нарычете скинопигия, Моси повелѣ творити, дрѣвѣса явѣ яко трѝ присно цвьтуща приемлющимь и вльною чрьвеною свезати крестаобразно, о четырех страньдревесѣ образи нѣкые начрьтавати, — что когда убо есть, аще не божеств'наго креста проображение и проявление? Ни бо вьсуе законнаа учинисте, нь коеждо и слово имат, и образь есть иному вещьшому, иже убо и зде сматрае кто обрѣщет. Триех' бо присно цвьтущих дрѣвѣ сьложение божеств'ны кресть прознаменоваше, трьмы и тому таковѣми дрѣвесы сьложену; сих же обагрены сь//узь богочловѣчнаго Слова крьвь прообразоваше. *л. 282 об.*

Зрѝ же, како сим явленнѣ сьглашают и Исайинаа, «Вь певки, — глаголющу, — и кедрѣ и купариссѣ прославлю мѣсто святое мое». От сих бо дрѣвесѣ кресть устроень бысть: просту убо единому сущу, другому же пакы от страны, идеже руцѣ Христос простр, пригвожден бысть, третием же долу кь ногама, сѣдалищу якоже нѣкоему тѣмь бывающу и гвоздиемь подающу утвръждение, о нем'же и божеств'ны рече Давидь: «Вьзносите Господа Бога нашего и кланяйтесе подножиу ногу Его, яко свять есть».

Ни бо рещи имате[15] землю зде пророку Божиу ногамь подножие рещи за еже вь инѣьхь мнѝю «Небо мнѣ прѣстоль, — глаголати, — земля же подножие»: кое бо имат слово земли кланятисе повелѣвати непщующе пророку? Никакоже прочее, не о семь рече, нь о дрѣву, на нем' же нозѣ Христовѣ пригвоздишесе.

Сиа убо прочее от зѣло многых мала ми изьосташе, дльгота убо будет в'са ниня изглаголана быти и на срѣду привести. Единою же ти слово реку, в'са она оставль, яко велика нѣкаа есть сила божеств'наго креста и многа тѣмь в'сегда дѣйствуютсе странна и трепета испльнь вещи. И сѐ // есть паче, еже много имѣе удивление, яко от мукѣ вещ'шой и горчайшой *л. 283* и бесчестной от сьмрьтий сѝ винов'нь кресть, якоже нѣгде и самь рекль еси, непрѣстанной и болшой жизни ниня и в'сакые иные благодати бысть податель,[16] за еже на томь пригвожденнаго Божиа Слова. Самое бо ниня сѐ являше и Мерс'кѐ струя от горести на сладость прѣлож'шисе.

Тебѣ же что мнит'тисе о сих?

Ксень: Нова нѣкаа яко вьистину сиа суть и якова ниже единому сих слышещу чюдесе кромѣ измѣнятисе.

---

[15] В оригинале: ἐρεῖτις — «скажет кто-нибудь».
[16] Не переведено καὶ παρεκτικός — «и причина».

Царь: Истинно сѐ рекль еси, яко не малых имуть сиа чюдещихсе, прѣзьестеств'на же суща и в'сакь умь чловѣчь прѣвьсходеща. О сих' же убо доволно есть, тамо же паки да вьзвратимсе, отнуду же изыдохом. Что убо прочее еже «Емуже власть на рамѣ его» знаменуеть? Сказано бысть, кресть явѣ яко, о нем'же бесѣдовахомь. Да сьмотрим' же, каа суть яже по сих.

«Нарычетсе, — рече, — име его Велика Сьвѣта Аггель». И бо тѣ иже прѣжде вѣкь Бога и Отца «сьвѣт» чловѣком вьзвѣсти. Кы убо сѣ? Еже божеств'наго ему вьплщениа и страсти таин'ство и неизречен'наго и паче
л. 283 об. естества вьскресениа прине//си[17] убо явѣ сущим под небесемь вьзвѣсти в'сѣм и уясни. И не се же тькмо чловѣкомь бысть, нь и Сьвѣтникь Чюд'нь. Зрѝ же, како не «Сьвѣтник» рече, нь приложи «Чюдьн'»: явѣ яко в'сакь чловѣк, сьвѣтуе, овогда убо болшимь бывает сьвѣтник, овогда же и не волею вьнѣ падаеть тврьдаго; а еже чюдно сьвѣтовати се есть еже никакоже болшаго погрѣшати, нь вь в'сѣмь истину улучати и болшему учителя тогожде и подателя быти, и ни приложениа, имиже в'сегда сьвѣтуеть трѣбовати, ниже от'етиа.

Аще бо Иовь, благу же сущу чловѣку, глаголющу, богатии, сирѣчь именити и славни, прьсть полагаху на устѣх, ни приложити, ниже от'ети непщующе подобати, получен'ному и обрѣтенному словесемь чюдещесе, много же, паче без'мѣрие посрѣдѣ, чюд'нь убо будет сьвѣтник, иже и самого сьздавь Иова. Что бо когда убо сьвѣта сего будет болше, в'сѣх поучати отлучатисе убо от горших, прѣкланяти же ся кь благымь, и кь царству много от мир'ских свѣтлѣйшу и присносущно отсюду уготовляти же се на путь и прѣлагати?

Зрѝ же, како ни еже «Богь» беспрѣдѣлнѣ рече, нь «Богь, — рече, —
л. 284 Крѣпькь», от именуемых и // положением боговѣ Того разлучае. Сут' бо и от чловѣкь блазии бози, нь не крѣпци, ниже власти таковые, якоже Сѣ, имуще. Да же убо не по сих рожденное кто отроче помыслит, нь Бога истинна, «Богь» рекь, приложи и еже «Крѣпькь», наводе симь и еже «Властелинь», да в'сесил'ное Его явит и еже по в'сей твари господство и область.

«Кнезь сьмирениу». Кто когда от чловѣкѣ толико вьзможе, яко в'су убо вражду от чловѣкь убити, сьмирение же вьвести, и пожрѣти другь другу в'сех устроити, и убо звѣр'ское же и суровое погубити, кроткое же и чловѣколюбное целовати повинути? Вьистину никтоже. Нь иже от Дѣвы рождейсе Богь Слово вражди убо погуби закрывало, в'сѣх же небесных и мир'ских сьвькупитель тьжде и тврьда сьмирениа строитель бысть. Се бо ниня и небеснымь силамь вь Рожьдьствѣ Сего божеств'нѣмь яко прѣз'естеств'но нѣчто и им'же от Бога дан'нымь намь добрымь проповѣдаемо бѣ, «Слава, — глаголющимь, — вь вышних Богу, и на земли мирь, вь чловѣцѣх благоволение».

«Отець Будущаго Вѣка». Прочее убо кто будущаго вѣка отець быти
л. 284 об. можеть развѣ Богь? Никакоже. В'си бо по вѣ//цѣ быше и чловѣци и аггели. Сего ради и ниже прѣжде аггель глаголемь Бога быти, яко убо да не кто прѣжде сих убо быти, под вѣком' же обаче вьмѣнитсе, нь прѣжде всѣх вѣкь.

Зрѝ же, како имиже рече пророкь, чловѣка Тогожде истинна и Бога прѣдставляеть истинна. Егда бо убо глаголеть «Отроче родисе намь, Сынь, и дасе намь» и «масло кравие и млѣко сьнесть», чловѣка сего бывша

---

[17] Вместо ἅ γε — «что и» переводчик прочел ἄγε.

истинна тогда показуеть. Егда же «Бога Крѣпка» нарычеть, «Властелина» же и «Сьмирениу Кнеза» и «Будущаго Вѣка Отца», Бога прѣдставляет истинна. Сего бо ради и не «Вѣку» рече просто отца, нь приложи и «Будущаго»: Отца бо убо Вѣку яко Виновна сему и Творца рече, «Будущому» же не яко иному кому вѣку бывшому, нь намь убо лѣтное, Сему же безлѣтное и прѣвѣчное указати вьсхотѣвшу. «Будущаго же Вѣка» кь намь, чловѣкомь, рече.

Тѣ бо вѣкь и прѣшьдь намь присно и настоещь и будущь есть и будет за наше движение. Мы бо есмы движущеисе, сирѣчь живот нашь, вѣк' же стоещь присно и недвижимь есть. Ово убо кругоносным солнца движениемь исчитаемо лѣтно обхождение, егда солнце, явѣ яко от тогожде // знамениа *л. 285* движениу начело имѣе, вь тожде паки устраяетсе, глаголет'жесе убо и сѐ и «вѣкь» и «лѣто»: «лѣто» убо за еже рѣхомь убо окружнымь солнца ношениемь, «вѣк'» же за еже и сему вѣкомь обьдрьжатисе. Лѣтны бо вѣкь, и лѣто вѣчно, яко непрѣсѣкома глаголются и неразлучна. Обаче же убо вѣкь прѣждѣ солнца быти глаголетсе. Даже убо и иже от Дѣвы рожденнаго Богочловѣка Слова, Творца в'сему и Сьдѣтеля пророчьское прѣдставить слово, «Будущаго Вѣка Отца» сего рече.

«Приведу мирь на кнезе и здравие Тому. Велиа власть Его, и миру Его нѣсть прѣдѣла». Царе земльскые и сил'ные кнезе глаголеть, мир' же, иже от толицѣх славѣ и прѣльсти вь едину вѣру единомышлениа же и сьгласиа. Ни бо маль бѣ нѣкы иже тогда удрьжавы чловѣкы мракь, нь вь толикое еже о Бозѣ мысль отлучисе, яко овь убо от них Солнце-Аполона сего нарыче, другы же Луну-Артемиду именуе, ин' же пакы ино нѣчто от тварий мнѣаху, странна нѣкаа и зѣло скврьнна о себѣ[18] изьобрѣтающе и повѣдующе. Елици же бесловеснѣйши и волове, и овце, и гадовѣ нѣкаа и птицѣ по//читаху же и честнѣйша о них сьдѣваху, *л. 285 об.* твари служеще безумно паче Сьздавшаго и пожирающе чеда бѣсовом. А не иже от Девы Марие Богочловѣку Слову рожденному, буяя сиа и бесловеснѣйша мѣсто нѣкое убо имѣаху, нь от срѣди в'са быше и погыбоше страстиу сего и сьмрьтиу и из мрьтвых вьскресениемь, прѣльсти убо и льжесловиу отгнану в'сакому, богоразумиу же истинному обьемшу в'са, Богу же распетому по пльти покланяему и сьмирениу гльбоку от Бога и самѣмь послѣднымь земли вьсѣяно и вькоренено, и вь еже вь единого истиннаго Бога вѣру и сьгласие плодь принес'шу зрѣль. Что бо ниня вещ'ше же и божеств'нѣйше еже в'сей вьселенѣй, якоже и нѣкоторому единому езыку, всесилно покланятисе Троици, еже вь Отци, реку, и Сынѣ и Святомь Духу? Аще ли же и ратуются нѣции другь друга от кнезѣ земльных, ничтоже сѐ глаголемымь пристоить, имѣниом бо желание и лихоим'ства пагуба таковаа понуждають сьгрѣшати. А иже вь Святую Троицу вѣра в'семь извѣстна присно и тврьда прѣбываеть; и сѐ есть еже «Приведу мирь на кнезе и здравие ему». Сирѣчь не яко//же тѣло овогда *л. 286* убо здравьствуеть, овогда же болѣзнуеть, сице и сьмирение сѐ овогда убо будеть, овогда же нѝ, нь непрѣклонно присно прѣбывает, и ничтоже его тврьдѣйшѐ будеть.

Яко убо сѐ хощет являти, от наводимых явлено. «Велиа, — бо рече, — крѣпость Его, и миру Его нѣсть прѣдѣла», — еже нѣсть на кого-любо от чловѣкь рещи же, бесконьчну быти явѣ яко сьмирениу Его, нь на едином иже от Приснодевы рожьдьшомусе отрочету, Богочловѣку Слову реку.

---

[18] В оригинале: περὶ αὐτῶν — «о них».

Зрѝ же, како не о странномь тькмо Сына и Слова рождениу Богь пророк'мы провьзвѣсти, нь и рождениу мѣсто знаемо вь многых устрои. Абие убо Давидь «Помѣни, Господи, — рече, — Давыда и в'су кротость его, яко клетсе Господеви, обѣщасе Богу Иаковлю: аще вьниду вь село дому моему, аще вьзыду на одрь постеле моѐ, аще дамь сьнь очима моима и вѣждама моима дрѣмание, и покой скраниама моима, дондеже обрѣщу мѣсто Господеви, село Богу Иаковлю». По сих же рече: «Се слышахомь е вь Ефрафѣ, обрѣтохомь е вь полѝхь дубравы, вьнидемь вь села его, поклоним'се на мѣстѣ, идеже стоястѣ нозѣ его».

л. 286 об. Зрѝ се//го ради колико нѣкое пророку вьниде желание еже и мѣсто увѣдѣти, яко о в'сѣх небрѣщи и клетьвнѣ отрещисе ни вьнити вь свой домь, ниже сьнь дати очима, ни вьсма безмльвиа насладитисе ниединого, дондеже убо познает и мѣсто рождениа Христова, и село Бога Иаковля. Се же натрое разумѣваетсе люботруднѝмь: селение бо убо Божие да глаголетсе плть, юже от девичьскых и матерних крьвий вьсприеть, своему божеств'ному сьставу крайно сьединивь и селение сиу неразлучно себѣ и вѣчно сьдѣлавь.

Да глаголетсе убо и Сего прѣсветаа Мати свето Его селение, ей же вь чрѣвѣ врѣме сьставнѣ вьселисе деветомѣсечно, еюже ни по еже родити божеств'наго и прѣсвятаго Духа остави благодать, яже и прѣжде зачетиа осѣнив'шиа же и крѣпость вьложив'ши вьзмощи стрьпѣти сьставь Бога и Слова, нь присно сь нею есть и вь вѣкы будет. Сего бо ради тожде Давидь и иное глаголеть: «Свята церкви Твоа, дивна вь правду».

Да глаголетесе убо и по иному слову селение Богу домь убо Ефрафовь и Давидовь градь Вифлеемь, идеже родисе, кь емуже и тожде пакы глаголеть
л. 287 Давидь: «Покло//нимсе на мѣстѣ, идеже стояста нозѣ его», — самое же сѐ еже рѣхом симь являе и еже на крестѣ ногамь Господнимь прогвождение. Такова убо Давидь о семь.

Сматрай же, како и Михей сему сьглашает и тажде, якоже от исповѣданиа проповѣдает: «И ты, Вифлееме, доме Ефрафовь, не мьни еси еже быти вь тысущах Иудовах, ис тебе бо Ми изыдет еже быти вь кнеза вь Исраили, и исходища его от начела, от дни века». Показует убо прочее и сѣ имиже рече, яко вь Вифлеемѣ и Ефрафе Христос родитсе и яко чьсти отсуду достойно мѣсто будеть рожьдьшагосе ради. Рече бо: «не мьни еси быти вь тысущах Иудовах», — являе же и вину, како не мьни будет: «ис тебе бо ми изыдет, — рече, — еже быти вь кнеза вь Исраили».

Едино есть[19] сего ради от многых вьзыскав'шу нѣкоторому познати, яко вь Христѣ сие сьбыстьсе, иже и кнезь бысть Новому Исраилю, иже по обѣтованиу Авраамову сыну бывшу и «уму Бога зрещу».

«Исходища же его, — рече, — от начела, от дни вѣка», — быти являе прѣвѣчное.

Давид' бо убо и Михей, сице от божествнаго научени Духа, вьплощение проповѣдаше Бога и Слова и мѣсто рѣкше, вь нем'же по пльти родитсе.

л. 287 об. Рожьдьшу же се, // влъсви от Персиды вь поклонение ему приидоше, дары сь собою носеще рожьдьшомусе принести. Сиа же бѣху злато, и ливань, и змурну. От них' же злато убо являше царское рожденнаго, ливан' же божество, а еже по пльти мрьтьвное — змурна. Сии, прѣжде даже вь Вифлеемь приити, приидоше вь Иерусалимь, вьпрашающе, где есть рождейсе царь иудейскы, еже сьмотрением нѣкѣм божеств'нымь бысть, яко убо да и сущеи тамо увѣдет в'си, яко иже от пророкь проповѣдаемы

[19] Ошибка переводчика: слово Ἔνεστι — «можно», «возможно» он принял за Ἓν ἐστι.

юже прииде, от чистые Дѣвы рождень. Ни бо убо домь Ефрафовь и Вифлеемь не увѣдѣли би иже толику дльготу пути шьствиа прошьдьше, аще и не сущим вь Иерусалимѣ, якоже речесе, явлена положити Богь хотѣаше бываема.

Иродь' же, иже тогда вашему царствуе езыку, сих слышавь, и священникы купно сь книжникы призвавь, вьпрашаше сих, где когда убо Христу пророци родитисе рѣше. Они же вь Вифлеемѣ рѣше. Их'же слышавь и реченных влькьвь призвавь, льстиу сих покушашесе обьети: «Шьдше, — глаголе, — опасно испитайте о отрочету, // вьнегда же обрѣщете, вьзвѣстите *л. 288* ми, яко да и азь, шьдь, поклонюсе ему». Елма же вльсви отнели же от Персиде устрьмишесе, божеств'на нѣкаа свѣтла сила прѣдидѣаше, звѣздѣ прикладна, сим' же вь Иерусалимь пришьдьшимь, ськрысе, да и сущим тамо, якоже речесе, познано будет таин'ство. Оттуду изшьдьше, наставляше пакы явльшисе дондеже, пришьдьши, «ста врьху, идеже бѣ отроче».

Сьлучи бо се тогдашнему римляном кесару повелѣти в'су написати вьселеную. Коимуждо убо вь своих написатисе отечьствиих идущимь, вь свое прииде отечьство и Иосифь, Вифлеемь, написатисе сь Мариею, яко от Давыдова рода сы, яко Вифлеемь Давыдовь сы. Тамо же убо вльсви пришьдьше, поклонише же се отрочету и, отврьз'ше скровища своа, принесоше яже рѣхомь дары. По сих' же «не вьзвратитисе кь Ироду» от аггела божеств'на вѣсть приемше, «инѣмь путемь отидоше вь страну свою».

Коньць еже на иудеохь 7-мому слову.[20]

Vindobonensis Palatinum, Slav. 34.

СЕДЬМОЕ СЛОВО ПРОТИВ ИУДЕЕВ*

Император: Некий потомок царя Давида, из колена Иуды, по имени Иоаким, живя с законной женой, принадлежавшей к тому же, что он, колену, до преклонных лет оставался бездетным из-за бесплодия Анны — таково ее имя. Пообещав, если они станут родителями, посвятить новорожденное Богу, они проводили жизнь в молитвах Богу, оживляясь надеждой. Спустя небольшое время Бог преклонился к их молитвам: у них родилась девочка, — и они привели ее, как обещали, к Давшему ее им, когда ей было три года.

А первосвященник Захария, принимая отроковицу, по ее прелести постигая умом красоту ее души и понимая, что она будет жилищем добродетелей, ввел ее внутрь недоступной части храма, называемой Святая Святых, куда совершенно никому нельзя было входить, за исключением первосвященника, да и тому не всегда, а лишь раз в год, да и то не без крови.

И никто ведь не возразил и не воспрепятствовал тому, чтобы девочка вошла в Святая Святых, но все радостно восприняли ее водворение и пребывание в недоступных покоях, ибо, конечно же, некая божественная сила сначала подвигла первосвященника на это дело, а затем направила общее мнение так, что не только никто не осмелился этому помешать, но и радовались все происшедшему.

Так девочка и пребывала безысходно внутри Святая Святых, а когда пришло время выходить ей замуж, она была обручена, по совету первосвященников, некоему человеку по имени Иосиф, единоплеменному ей и целомудренному, каковой ее как невесту и привел из храма к себе домой.

---

[20] В греческом оригинале этой фразы нет.

* За проверку перевода благодарю, как и прежде, профессора кафедры классической филологии СПб-го университета А. И. Зайцева.

Немного времени спустя к ней был послан Божий ангел Гавриил в Галилейский город, называемый Назарет. И он, войдя к ней, воскликнул: «Радуйся, Благодатная: Господь с тобою! Благословенна ты среди жен». Она же, увидев его, смутилась от его слов и задумалась над смыслом такого приветствия. Ангел же сказал ей: «Не бойся, Мария: ведь ты обрела благодать у Бога. И вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь имя Ему: Иисус. Он будет велик, и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и царству Его не будет конца». Мария же сказала Ангелу: «Как будет это, когда я мужа не знаю?» Ангел сказал ей в ответ: «Дух Святый найдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим. Ибо у Бога не останется бессильным никакое слово» (Лука 1, 26—37).

Итак, обрати внимание на то, что ангел и ясно проповедал Троицу, и недвусмысленно показал, что Дева зачнет. Ведь он сказал: «Дух Святый найдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим». Тем самым он предельно ясно указал на Святую Троицу — Отца, Сына и Святого Духа — и на силу, укрепляющую Деву для этого великого и превосходящего разум таинства, чтобы она могла носить спасительный плод. Так что бессмысленно недоумевать, как она смогла без мужа зачать и родить. Не каким-то человеческим возможностям надо все это приписывать, но осенению Святым Духом и силе Всевышнего, у которой «не остается бессильным никакое слово», ибо, если Бог хочет, побеждается естества чин.

Предвидя это великое таинство, Давид и сказал: «Речь, непонятную мне, услышал» (Пс. 80, 6), т. е. речь ангела; и в другом псалме: «Услыши, дочь, — сказал, — и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего» (Пс. 44, 11), — обращая это к Деве Марии. Смысл этих слов такой: поскольку отныне Бог призывает тебя к некоему необычному, непривычному, совершенно своеобразному образу жизни — по сравнению с тем, который был в доме отца твоего, приготовься к нему, приклони ухо твое к тому, к чему теперь тебя призывают, а то, что было дома, уже позабудь.

Также и слова: «С благоговением отнесся Ты, Господи, к земле Твоей, возвратил плен Иакова, отпустил беззакония народу Твоему» (Пс. 84, 1—2) — и дальнейшее, что в этом псалме сказал божественный пророк, может показаться человеку, воспринимающему лишь поверхность мысли и не способному увидеть прикровенное и глубинное, сказанным только о вашем народе и его земле и городах. Но в не меньшей мере это относится к богоносным и божественным мужам.

Раз уж это приходится к слову и к нашей теме, скажу теперь, что и здесь, как в большинстве других псалмов, пророк указывает на и предсказывает неизреченное и исполняющее трепета вочеловечение Бога Слова и говорит о зачавшей и родившей Его Матери, пресвятой Марии. Так, от первого стиха псалма до слов: «Яви нам, Господи, милость Твою, и спасение Твое даруй нам» (Пс. 84, 8) — пророк поет, как мне кажется, не о ком другом, как о Христе, ибо Христос — спасение всего мира, а также о совершенном разорении и пленении дьявола и ада, поскольку, низвергнув там того и связав, Он ад расхитил, т. е. поет об освобождении связанных нерасторжимыми узами душ.

Далее, как бы немного отдохнув и ожидая указаний свыше: «Послушаю, — говорит он, — что скажет во мне Господь Бог», — и затем, исполнившись Святого Духа, восклицает: «Он скажет мир людям Своим, и праведным Своим, и обращающим сердце к Нему. Так, близко к

боящимся Его спасение Его» (Пс. 84, 9—10). О каком, можно спросить, мире говорил Господь, как не о том, который при Его божественном Рождестве воспевали божественные ангелы, поя: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение» (Лука 2, 14)? Можно ли какой-то иной мир назвать более важным и лучше этому соответствующим, нежели тот, который принес Христос Бог, всеобщий Примиритель, разрушивший преграду, разделявшую подсолнечную и Бога Отца, и их примиривший?

А что близок Бог к боящимся Его, он сказал не потому, что от прочих Тот далек: но подобно тому, как о всеобщем Боге говорится преимущественно как о Боге Авраама, Исаака и Иакова — из-за их превосходной веры и сверхъестественной любви, так же говорит он, и что ближе Бог к боящимся Его.

Наподобие того, как это видимое солнце, равно дающее всем возможность воспринимать свои свет, вид и тепло, воспринимается всеми не одинаково, но в зависимости от слабости или силы зрения каждого, так же и мысленное солнце правды, Христос, «скажет мир людям Своим, и праведным Своим, и обращающим сердце к Нему». А «спасение Его» — очевидно, что благодать, — Он даст всем, но боящимся Его дарует больше других, ибо в другом месте пророк сказал: «Работайте Богу со страхом и радуйтесь Ему с трепетом» (Пс. 2, 11), а также: «Страх Господень чист, пребывающий во веки веков» (Пс. 18, 10), «чтобы поселиться славе в земле нашей» (Пс. 84, 10).

Давай разберемся. В начале псалма он сказал: «С благоволением отнесся Ты, Господи, к земле Твоей» — и остальное, о чем было сказано немного выше, т. е. о сокрушении сатанинского насилия и об освобождении душ, а здесь он говорит: «чтобы поселиться славе в земле нашей». В первом стихе, сообщая о благоволении Господа к Своей земле, он имеет в виду Богородицу Марию, ибо, будучи святой и благой землей, она без семени сверхъестественно вырастила божественный колос, чувственным и умственным образом питающий души всех и тела, — Подателя бессмертной жизни. Здесь же говорит: «чтобы поселилась слава в земле нашей». Так что там он назвал ее только землей, а здесь наименовал и обителью Божией. «Освятил, — сказал ведь он, — обитель Свою Всевышний» (Пс. 45, 5), и в другом псалме: «Свят храм Его, удивителен в правде» (Пс. 64, 5), — ее же называя храмом, как и землей, и обителью.

«Милость и истина встретились» (Пс. 84, 11). Милостью он назвал Спасителя Христа как по человеколюбию только помиловавшего человеческую природу и призвавшего ее, ничего достойного милости и сочувствия от себя не привнесшую, а истиной — опять-таки пресвятую Богородицу Марию. Означает же это следующее. По природе ни одна из тварей не является истиной, помимо Бога, хотя по мере причастности к Истине-в-собственном-смысле-слова они тоже и называются, и являются истинными — имеются в виду ангелы и возвысившиеся над земным люди. А Богородицу Марию этот божественный пророк называет истиной как неизмеримо лучшую всякого произведения человеческой природы, как истинного и совершенного человека, больше всех причастившегося Сущей Истине, т. е. Богу.

Эллины определяли человека по-разному, лучше же всех те, кто называли его словесным, смертным, уму и художествам причастным животным. Но и это определение человека не кажется мне совершенным. Поистине совершенным называется ведь то, что ни недостаточествует, ни избыточествует. А для Пречистой это определение мне кажется недостаточным. Но поскольку Бог, создавая все, сказал: «Сотворим человека по образу Нашему и по подобию» (Бытие 1, 26), — люди нашего образа мыслей называют совершенным такого человека, который сохранил, насколько возможно,

целым то, что у него «по образу» и «по подобию»; и как больше всех людей от века это сохранившую и больше всех ангелов, как говорится, и людей причастившуюся Самой-по-себе-истины, истиной и называется, и является Богородица Мария. Потому пророк и использовал ведь эти слова: «Милость и истина встретились», — значит, сошлись, соединились.

То же самое пророк выражает и далее, говоря: «Правда и мир облобызались» (Пс. 84, 11), называя правдой опять же Христа как самою ею по природе единственно и являющегося, о чем уже было сказано, когда речь шла об истине, миром же — Богородицу. Ведь единственная она стала ходатаицей за нас о немятежном и прочнейшем мире, единственная родив Упразднившего вражду и тем самым разрушив существовавшую между людьми и Богом преграду — посредством родившегося у нее Бога-Слова (ср. Ефесянам 2, 14—16). «Облобызались» же он сказал по причине преизбытка любви ее и Бога друг к другу.

Смотри же, как удивительно согласуется одно с другим все, сказанное ранее и следующее далее, ибо он продолжает: «Истина от земли воссияла, и правда с неба выглянула» (Пс. 84, 12). «От земли» — значит, от людей, от Иоакима и Анны, — произросла, говорит он, как цветок, Богородица, питательница нашей жизни, т. е. Христа; «правдой» же он называет Бога-Слово, по несказанной милости преклонившего небеса и нисколько не погнушавшегося снизойти до наших пределов, совершенно соединившегося с родившейся у Иоакима и Анны Богородицей Марией неизреченным и сверхъестественным соединением и ставшего плотью от ее святой и пречистой крови и сделавшегося совершенным человеком, не переставая быть совершенным Богом, как об этом и провозвестили все от века говорившие с Божьей помощью пророки и как засвидетельствовал Сам Бог-Отец.

«Господь, — говорит он далее, — даст благо», что означает: Отец Господа даст ради нашего спасения Своего Сына, каковой и именуется и «Благо», и «Правда», и «Святыня», и «Избавление», — «и земля наша даст плод свой» (Пс. 84, 13), т. е. от Иоакима и Анны возросшая «земля» даст свой бессеменный плод — родившегося от нее Бога-Слово, истинного, как говорится, и так и так — и в своем божественном качестве, и человеческом.

Обрати внимание и на то, как он завершает псалом. Побогословствовав и миновав тему неизреченного воплощения Бога-Слова, он затем показывает, источником и причиной скольких и каковых благ оно явилось для нас. В маленьком изречении «Правда пойдет перед Ним» (Пс. 84, 14) он все добро собрал, ничего свойственного Божьей правде вовне не оставив.

«...и поставит на путь стопы Свои» (там же). Поскольку Христос назвал Себя «путем», не менее является «путем» и Евангелие, «и истиной и жизнью» (Иоанн 14, 6), ибо этим путем мы приходим к Богу-Отцу, а не с помощью ангела или какого-либо человека. Поэтому он сказал «поставит на путь стопы Свои». Ведь если кто-нибудь, путешествуя, заблудится, то, конечно же, не придет туда, куда шел; шествующий же этим путем спасается; а кто, заблуждаясь, отпадает вовне, погибает.

Еще и на то обрати внимание, насколько в этом славном Рождестве все было чудесным и божественным. Обращение ангела к Деве со словами: «Радуйся, Благодатная: Господь с тобою» и «Благословенная ты среди жен» — открыло, что она будет рожать не как ее праматерь Ева в печалях, но в радости и веселии, и показало, что Тот, Кто родится, уничтожит проклятие, ибо благословению и проклятию сочетаться в одном невозможно, равно как и свету с тьмою. Услышав слова, исполненные радости и веселия, и помолившись в себе, Дева сказала: «Се, раба Господня; да будет мне по слову твоему. И отошел от нее ангел» (Лука 1, 38).

Ксен: Если, по твоим, царь, словам, она оказалась непраздной от упомянутой тобой силы прежде, чем с ней сошелся Иосиф, тогда уж лучше было бы, если бы эта радостная весть о Рождестве случилась прежде обручения, нежели после него, пока она была еще в храме.

Император: Не вовсе бессмысленным кажется мне это непонимание, но имеющим некоторый смысл. Ведь и ее названный муж Иосиф прежде тебя затруднялся это понять. Видя, что она забеременела, и зная, что он совершенно не прикасался к ней, осознавая и то, что она преизобилует скромностью и достоинством и что все домашние относятся к ней с подобающей почтительностью, исключающей всякие сомнения в ее добродетелях, он был со всех сторон раним недоумением и не знал, что делать, и словно погружался в некую бездонную пучину от такой беспомощности. И если бы божественный ангел, явившись, не разогнал этот душевный мрак и волнение словами: «Не бойся, Иосиф, ибо родившееся в ней есть от Святого Духа. Родит же Сына, и наречешь имя Ему: Иисус; ибо Он спасет людей Своих от грехов их» (ср. Матфей 1, 20—21), — он дошел бы и до более опасного состояния. Отсюда ясно, что у Иосифа были те же мысли, что у тебя.

Причина же того, что она зачала в доме Иосифа, а не в храме, такова. Если даже живя у Иосифа и пребывая, значит, с его домашними — я имею в виду его сыновей, дочерей и слуг — и таким количеством глаз наблюдаемая, она была им подозреваема, то чего бы только не выдумали про нее желающие ее оболгать, как не побили бы ее камнями, обвинив в грехе блуда, если бы она забеременела в храме, где жила в полном уединении, где не было людей? А так, видя ее забеременевшей, родившей и кормящей, никто не оказывался во власти неподобающих мыслей, считая Младенца сыном Иосифа, как и ты чуть раньше сказал, ибо только Дева и Иосиф знали тайну.

Обрати внимание и на некоторую другую странность, каких в жизни Девы Марии, в отличие от всех других, было в избытке. В храме было отведено для дев место, на котором не подобало стоять никому из обрученных, потому что для тех было определено другое место, но первосвященник, движимый божественным Духом, взял после обручения Деву Марию и поставил ее с девами, хотя из-за этого необузданность ваших отцов, каждый раз противящихся божественному Духу, и их всегдашняя склонность к убийствам сделали Захарию жертвой убийства (см. Матфей 23, 35).

Так все промыслительно содействовало лучшему совершению этого таинства — мы ведь знаем, что так это надо называть, — т. е. промыслу воплощения. Справедливо потому рассмотреть теперь и на много лет ранее увиденное пророками в символах и так или иначе таинственно, языком загадок о ней сказанное.

Так, боговидец Моисей видел на Синайской горе купину, всю объятую огнем, казалось, горевшую, но никакого ущерба от огня не претерпевавшую (Исход 3, 2). Находясь поблизости и старательно разглядывая видение, Моисей услышал божественный голос, звучащий в воздухе, «Сними, — говорящий, — обувь с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (ср. Исход 3, 5). Почему же земля, по которой все ступают, могла оказаться святой? И как огонь, все пожирающий, не разрушил столь слабую и легко загорающуюся вещь, как купина? Что об этом можно сказать? И то и другое достойно немалого изумления, если только, конечно, кто-нибудь не скажет, что земля была свята по причине того невероятного, что на ней произошло, а купина была прообразом чистой Девы, принявшей огонь божества и оставшейся им не сожженной.

А что из-за чуда и место бывает и называется святым, ясно из того, что архистратиг Михаил позже сказал Иисусу Навину в Иерихоне. Точно ведь то же самое сказал ему тогда ангел, что и Моисею на Синае, т. е.: «Сними обувь твою, ибо земля, на которой ты стоишь, свята есть» (см. Иисус Навин 5, 15). Поскольку же земля принадлежала иноплеменникам, можно и удивиться: справедливо ли им принадлежащей так называться? Но дело в том, что кивот, бывший прообразом Пречистой Марии, будучи свят, передавал это качество и тому месту. Вот то, что касается божественного Моисея.

Рассмотрим же и сказанное Аввакумом. «Бог, — говорит он, — из Фемана придет, и Святой из горы тенистой чащи. Покрыла небеса добродетель Его, и разума Его исполнилась земля» (Аввакум 3, 3). «Бог от Фемана придет» — значит придет со светом своей божественности. «И Святой» указывает на человека, которого воспринял Христос. «Из горы тенистой чащи» — так он называет Приснодеву Марию: она «гора» как возвышающаяся над всеми, несравненно превосходящая всех причастных рождающей природе, за исключением у нее неизреченно родившегося во плоти; и потому что от этой горы был камень — Христос (ср. Коринфянам 10, 4), прообразом которого был камень, напоивший ваших отцов в пустыне (ср. Пс. 77, 15—16): как тот досыта всем дал напиться, так и этот мысленный камень всем щедро и изобильно сообщил божественное слово. «Тенистая же роща» сказано, чтобы дать почувствовать прикровенность и плохую различимость, т. е. указать на трудную постижимость нового образа рождения. «Покрыла небеса добродетель Его» — пророк сказал здесь не о чувствами воспринимаемых небесах, но небом назвал небесные силы, чтобы тем самым показать, что Тот, Кого родит Дева, несравненно превзойдет ангелов и всех всяческой добродетелью.

Не плотской природой, имеется в виду, превзойдет Он ангелов, ибо в этом отношении Он уступает им. На это и Давид намекает словами: «Умалил Его малым чем перед ангелами», т. е. плотской природой; но за добродетель «славою и честью, — говорит, — увенчал Ты Его» (Пс. 8, 6) — за претерпение смерти. Ведь после Его смерти и воскресения Отец увенчал Его честью и славой как некоей наградой за низвержение губителя всех, дьявола. После этого он добавляет: «Все покорил Ты под ноги Его» (Пс. 8, 7). Сказав «все», он ничего из сущего не оставил за пределами подчиненности Ему — я имею в виду ангелов, людей и всякую тварь. С этим согласуются ведь и слова божественного Моисея: «Да поклонятся Ему все ангелы Божии» (?).

А почему Сын Девы не только превзошел, но и «покрыл» добродетелью ангельскую природу, ясно из того, о чем мы, если ты помнишь, говорили. Надеюсь, ты помнишь наш разговор о том, что ни один человек от века не способен воспринять все дарования Святого Духа, за исключением Господнего человека. Ибо один человек получает одно из дарований, другой другое, превзошедший же природу и пределы объяснимого Человек, воспринятый Сыном Божиим, получил все дары Святого Духа, все благодати.

Ведь как железо, по природе холодное и черное, встречаясь с огнем, разогревается и делается светящимся и горячим настолько, что к нему нельзя прикоснуться, так и сверхприродный Человек, объединившись с божественностью, получил от нее ее качества. Так что справедливо и Давид сказал, что все будет положено покорным под ноги Его, и Аввакум, что добродетель Его покроет небеса и разума Его исполнится земля. Разум ни одного из существ, причастных рождающей природе, не наполнил вселенную, за исключением Христова. Одними и теми же словами Аввакум

проповедал то, что Он будет одновременно Богом и человеком, и предсказал совершенную святость той, которая родит Его во плоти, и необъяснимость и непостижимость происшедшего с ней таинства, называя ее «горой тенистой чащи».

Обратимся, если хочешь, еще к одному пророку, Даниилу, мужу желаний. Вот что он говорит в третьем из своих видений, разъясняя сон царя Навуходоносора: «Ты, царь, видел: и вот, истукан какой-то, большой это истукан, и вид его подавляющ, он стоял пред лицом твоим, и видение его было страшно, — истукан, голова которого была из чистого золота» (Даниил 2, 31—32). Описав дальше и другие особенности его облика, он продолжает: «Ты видел его, пока не оторвался без содействия руки камень, и не ударил истукана в железные и глиняные ноги его, и не разбил их до конца. Тогда сразу разбились глина, железо, медь, серебро и золото и стали подобными мякине на летнем гумне, и сильный ветер унес их, и следа от них не осталось. А камень, разбивший истукана, сделался великой горой и наполнил собою всю землю. Это сон. Скажем же царю и значение его» (Даниил 2, 34—36).

Растолковав далее, символом чего была каждая из частей истукана, что она означала и какому из царств соответствовало серебро, какому золото, какому медь, железо и прочее, он говорит: «Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство Его не достанется другим людям, и оно разрушит и развеет все царства, само же будет стоять вовеки. Тем, что ты видел, как без содействия рук от горы оторвался камень и разрушил глину, железо, медь, серебро и золото, Бог великий дал царю знать, что должно быть после сего. И истинен сон, и верно истолкование его» (Даниил 2, 44—45).

Я думаю, ничто не нуждается здесь в растолковании и разъяснении, да и никто не сделал бы это более ясным, ибо смысл высказывания достаточно ясен и неприкрыт сам по себе. Ведь словами: «Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится» — ясным образом показывается, и что начало получит такое царство, каким является царство Христово, и что оно будет бесконечным. Начало оно получило, когда Он родился, а еще более, когда, будучи распят, воскрес и прославленным взошел на небеса; конца же у него никогда не будет как у сверхмирного и божественного. Это ведь, как мы сказали, и означают у пророка слова «воздвигнет» и «вовеки не разрушится». А словами «разрушит и развеет все царства, само же будет стоять вовеки» он указал на его силу и непобедимость, ибо гордые и чванливые мирские царства Он покорил игу Своего бесконечного царствия.

Последующие слова еще яснее предшествующих, ибо яснейшим образом указывают на рождение Христа Девой: «Тем же образом, каким, ты видел, — говорит он, — без содействия рук от горы оторвался камень и разрушил глину, железо, золото, медь, серебро», и оторвавшийся без содействия рук от горы камень сделался великой горой и поразил всю землю. Этим он прямо говорит, что, как без содействия рук оторвавшийся от горы камень это сделал, так и родившийся от Девы без семени — это ведь означают слова «без содействия рук» — подчинит Себе всю вселенную, что и можно легко увидеть по самой действительности, поскольку весь подсолнечный мир, взяв божественный крест, шествует путем божественных заповедей и поучений.

Обрати внимание на то, как часто пророки, провидя создание Церкви и проповедь Слова Божия, называют Христа «камнем». Так, Аввакум сказал, что Он придет с горы. Даниил более определенно говорит о камне, оторвавшемся от горы без содействия рук. А еще яснее Исайя, говорящий:

«Вот, я кладу в основание Сиона камень многоценный, избранный, краеугольный, драгоценный, в основание его, и верующий в Него не постыдится» (Исайя 28, 16).

То, на что Аввакум указывает словом «придет», а Даниил словом «воздвигнет», а именно, что со временем начнется Его царство, Даниил представляет указательным словом «вот». А говоря «кладу камень в основание Сиона», он хочет сказать, что, поскольку ни одно здание не может без основания стоять твердо и непоколебимо, и Сион — т. е. Церковь — не устоит, если в его основание не будет положен все превосходящий ценою камень, Христос. А что камень означает у пророка Христа, а не какой-то из валяющихся на земле камней, ибо это неразумно, ясно из самого дальнейшего, ибо он сказал: «верующий в Него не постыдится».

Если верующий не постыдится, не ясно ли, что претерпит неверующий? Известно что — что и отцы ваши претерпели, не только встать на этот камень и утвердиться на нем не захотевшие, но и всячески его отвергнувшие и возненавидевшие. Потому-то и посрамились они. И еще больше будут посрамлены, когда, по пророку, познают высокую мышцу Господню (ср. Исайя 26, 11).

Об этом же камне говорит и Давид: «Камень, которым пренебрегли строители, тот оказался во главе угла, и это удивительно в глазах ваших» (Пс. 117, 22—23). Говоря это, он имел в виду, что, как угол связывает две стены, так и камень, признанный зиждущими церковь иудеями недостойным, т. е. Христос, будучи положен Богом в основание Сиона, сочетал Ветхий и Новый заветы (ср. Ефесянам 2, 14) и прекратил неистовую враждебность верхнего и нижнего миров — враждебность со стороны вышних сил к людям из-за того, что вместо нетленного и бессмертного Бога они восславили глухие идолы, гадов и четвероногих, и сотворил единый Град, небесный и земной, что и кажется удивительным непокорившимся иудеям, за что они и будут, сказал он, посрамлены (ср. Пс. 96, 7). Перейдем к Иезекиилю.

«Обратил меня, — говорит он, — Господь на путь к воротам святых внешним, глядящим на восток, и они были заперты. И сказал мне Господь: ворота эти заперты будут и не откроются, и никто не пройдет ими, потому что Господь Бог Израилев войдет ими, и будут заперты, потому что Старейшина этот сядет в них есть хлеб. По пути Элама в ворота Он войдет и по пути его выйдет. И ввел меня по пути к воротам святых, что к северу, напротив дома, и я глядел; и вот, наполнился славой дом Господень» (Иезекииль 44, 1—4).

Обрати, Ксен, внимание, что все эти изречения, хоть и различны, по смыслу весьма друг с другом согласуются. Полагаю, что изречения получились разными не без божественного участия. Ведь если бы они совпадали и смыслом и словами, это вводило бы в немалый соблазн сомневающихся: им казалось бы, что пророки писали, сговорившись. Рассмотрим, однако же, что говорит Иезекииль.

«Обратил меня Господь на путь к воротам святых внешним, глядящим на восток, и они были заперты. И сказал мне Господь: ворота эти заперты будут, не откроются, и никто не пройдет ими». По поверхностному, наружному смыслу слов кажется, что пророк говорит о воротах храма. Но найдется ли кто-нибудь столь невежественный и необразованный, чтобы подумать, что действительно о них он говорит? Я думаю, не найдется, потому что ворота эти каждый день открывались и закрывались, и не только ими, но всеми все входили и выходили. О каких воротах он говорит, ясно из его дальнейших слов: «Потому что Господь Бог Израилев войдет ими, и будут заперты». Так что он сказал это о неизреченном входе в

Святую Деву и выходе Сына Божия. Потому-то он и выразился: «будут заперты» и «Старейшина этот сядет в них есть хлеб», — как о «Старейшине» говоря о Том, Кого выше назвал Господом и Богом Израилевым. Выражение «есть хлеб» он употребил вместо слов «будет истинным человеком» потому, что это человеческое дело есть хлеб. А «По пути Элама в ворота Он войдет и по пути его выйдет» означает, что, как зачат Он будет в сущей Деве, так и рожден будет пребывающей Девой.

Затем он говорит: «Ввел меня Господь по пути ворот, что к северу, и я глядел; и вот, наполнился славой дом Господень». Почему он говорит об одном и том же пути, но о разных воротах? Это ясно: потому что одна и та же, Девой будучи, зачала и, Девой будучи, родила. А различие объясняется тем, что вход в нее был без плоти, выход же из нее отличался — был с плотью. Если кому-то захочется заняться неуместными разысканиями, каким образом это могло произойти, то пусть тот знает, что это превосходит разумение всех вообще ангелов и людей.

Существует и много других ясных предсказаний воплощения и неизреченного рождения Богочеловека-Слова от Девы, но, уклоняясь от труда все подробно излагать, я не стану все разыскивать и собирать, а вспомню лишь то, что уместно.

Иаков, уйдя от клятвенного колодца и идя в Харран, улегшись спать, увидел во сне лестницу, опирающуюся на землю, «вершина же ее достигала до неба, и ангелы Божии восходили и нисходили по ней, Господь же стоял на ней и сказал: Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака, не бойся» (Бытие 28, 12—13) — и прочее. Затем «встал, — говорится, — Иаков от сна и сказал: есть Господь на этом месте, а я и не знал. И убоялся, и сказал: как страшно место это; и не место это, а дом Божий и сами ворота небесные» (Бытие 28, 16—17).

Обрати внимание, что то, как Иаков сказал здесь о лестнице, на которой стоял Господь, согласуется со словами Иезекииля. Ведь что тот, имея в виду Деву, назвал воротами храма, Иаков назвал воротами небесными. Воспользовавшись этой названной воротами лестницей, Сын и Слово Божие соединился с человеческой природой.

Однако же одно за одним, отвлекая наше внимание, увело нас далеко от слов Исайи. Так что пора нам вновь к ним возвратиться. Слова: «Вот, Дева во чреве примет и родит сына, и нарекут имя ему: Еммануил» (Исайя 7, 14), что значит «с нами Бог», сколько было возможно, мы разъяснили. Посмотрим, что он говорит дальше.

«Коровье масло и мед съест; прежде чем начнет разуметь или изберет злое, изберет доброе; потому что прежде, нежели ребенок сможет отличать добро от зла, он отвергнет злое и изберет доброе» (Исайя 7, 15—16). Сказанное ранее указывает, как можно понять, на истинного Бога, который должен родиться у Девы, а эти слова представляют Его истинным человеком, а не кажущимся, как безумно полагают некоторые из еретиков. Ведь слова «коровье масло и мед съест» свидетельствуют, что поистине Он воспримет плоть, ибо в такой пище ни Бог, ни кто-либо, только кажущийся человеком, не нуждается, и доказывают, что Он поистине был причастником нашей материальнейшей плоти. Таким образом ясно, что Исайя предсказывает рождение у Девы в равной степени Бога и человека.

«Прежде чем начнет разуметь или изберет злое, изберет доброе; потому что прежде, нежели ребенок сможет отличать добро от зла, он отвергнет злое и изберет доброе». Вдумайся, Ксен, в смысл этих слов. Все потомки Адама имеют ведь то, чем он был наделен от Бога, — свободу воли, свойство одного из Божьих образов в человеке. Обладая ею, они имеют

возможность выбора. Это предполагает, что, имея перед собой несколько возможностей — их может быть много или на худой конец две, человек способен избрать из них какую-то одну. Скажем, во власти кого-то выбрать целомудрие или блуд, и по необходимости должно быть избрано что-то одно, а другое отвергнуто, ибо разом то и то невозможно. Если, допустим, он изберет целомудрие, ясно, что он изберет доброе, если же блуд — злое, что по падении, т. е. согрешении, Адама и передалось его потомкам. Бог же сотворил его без греха. А Христос, восприняв Адамову природу такой, какою она была до греха, по необходимости воспринял ее без греха.

Ксен: Похоже, ты решил говорить со мною загадками, царь. Как это возможно, сначала говорить об одной и той же природе, свойственной Адаму и воспринятой Христом, и стараться доказать, что у обоих она была одна, а затем, как бы деля ее пополам, утверждать, что у Адама она была грешной, а у другого безгрешной, — конечно же у Христа?

Император: Ты верно заметил, что это парадоксально и необыкновенно. Однако же это не полные небылиц выдумки, как ты подозреваешь, но нечто высокое и божественное. Ты легко поймешь, что ничто не мешает единой у Адама и у Христа природе у одного быть грешной, а у другого безгрешной, и сомнений у тебя не останется.

Вообрази, что существуют два человека: один больной, а другой здоровый, и притом искусный врач, способный вернуть больному здоровье. Можно ли сказать, что у них разные природы оттого, что один прикован к постели, а другой здравствует, ходит и должен исцелить одержимого недугом? Это никак невозможно. Одна ведь и та же у обоих природа, хотя по своим свойствам она сделалась у них весьма различной. Так что, вне сомнений, той же должна была бы быть, Адамовой, природа, которую воспринял Христос. И этому ничуть не противоречит то, что один склонился к злому, а другой пребыл совершенно несклонным и непреклонным ко греху. Не природой ведь согрешил Адам, а своим выбором. Соответственно не природа его подверглась осуждению, а тело и согрешившая способность выбора. Прикоснувшееся к запретному дереву и оттого заболевшее тело было осуждено на распад и смерть, а бессмертная природа таковой и осталась, хотя тело сделалось подверженным тлению.

Потому-то мой Бог Христос и умилосердился, не стерпев, глядя, как Его творение мучается, и воспринял природу лежавшего мертвым Адама, — не грех его ни в коем случае! — как бы наклонившись по доброй воле к падшему, как то делает всякий, кто, стоя на ногах, желает помочь встать кому-то лежащему, и поднял его, лежавшего после того ужаснейшего падения, и освободил от смерти и тления. Так что не согрешившую, как сказано, но по причине преступления падшую природу Адама воспринял Христос, причастившись не связанному с ослушанием греху, а в высшей степени человеколюбиво — осуждению за него, в чем очевиднейшим образом сбылось сказанное Давидом: «Тогда отдал, чего не похищал» (Пс. 68, 5).

Ясно, что согрешивший Адам был осужден не беспричинно. Я же, не прикоснувшись ни к какому греху, получил такое же осуждение, т. е. смерть и тление. Тому, однако же, смерть была дана для пресечения греха, чтобы зло не стало бессмертным. А Христос, сойдя по причине смерти в ад, не только не был там, как иные, удержан, но и божественной державной рукой ниспроверг все его твердыни, опустошил все его владения, освободил узников из жестоких уз, предоставил им возможность ходить и дал власть связать прежде их связавшего. Это как раз и есть то, о чем в книге Иова говорится: «Увидев тебя, устрашились привратники ада» (Иов 38, 17), т. е.

бесы, и у Давида: «Сойдя, Ты взял в плен пленных» (Пс. 68, 19), т. е. удерживаемые адской рукой святые души.

Так что Христос, как выясняется, не был подвержен последствиям праотеческого греха, почему и стал причастником его безгрешной природы. «Будучи поносим», сказано ведь, «Он не отвечал поношением», «и не было лукавства», т. е. греха, «в устах Его» (Исайя 53, 9).

Я полагаю, будет хорошо, если я стану иллюстрировать тебе каждую мысль каким-нибудь образом.

Давай представим себе царя, который превзошел всех мудростью и могуществом и доверил одному из своих любимых слуг город с многочисленным населением, изобилующий множеством благ, и точно определил приказами, словно некиими границами, поведение слуги, и предоставил ему право доступа без помех ко всему, и дал возможность свободно распоряжаться и пользоваться всем, за исключением одного только дома, который сам господин тщательнейшим образом оградил, чтобы никак нельзя было его открыть и обнаружить находящееся там. Вообрази себе и некоего врага, наделенного какою-то честью, — человека, подобного многим, злоумышляющим против благоденствия других, из зависти задумывающим все самое враждебное и, надев маску друга, исполняющим, — каковой, явившись к слуге, сказал: «Почему это все находится в твоей власти, и только в этот домишко нет тебе входа? Разве ты не знаешь, что царь из зависти запретил тебе туда входить? Потому что стоит тебе сломать замки и войти туда, как ты уже не сможешь считать себя благополучным: такие найдешь ты там сокровища». Тот же, по неразумию ему доверившись, последовал пагубному совету, что и оказалось причиной десятков тысяч бед, ибо из замечательного города он был изгнан и столкнулся затем с десятком тысяч трудностей, первую и тяжелейшую из которых он испытал от того, кто подал ему пагубный совет, ибо тот, увидев его лишенным попеченения и благорасположения владыки, заковал в цепи его тело и вверг его в темную и мрачную тюрьму со всем его родом.

Но не окончательно кротчайший владыка разгневался и, дав согрешившему немного помучиться, чтобы впредь был умней, изобретательно постарался потом выручить его из беды. Для этого он сошел со своих царских высот, одел на себя одежду заключенного в тюрьму раба и, уподобившись тому по облику, пришел туда, где обитал тот злой мучитель. А тот, решив, что перед ним человек одного с заключенным рода, будучи обманут убожеством его вида, не узнал скрывающегося под этими убогими одеждами царя и все привел в движение, все хитрости пустил в ход, чтобы и его заточить в этом темном и мрачном месте, чего и добился. Таким образом, по своей доброй воле царь подвергся заточению, промышляя о свободе своего слуги, но не в качестве арестованного за нарушение приказа.

Он был заточен, как говорится, да не связан, ибо никак злодей его не осилил, даже пустив в ход все свое войско. Вошедший же все сокрушил — и ворота, и стражников, и, расторгнув согрешившему слуге оковы, тут же освободил его со всем его домом от этого бесчеловечного и жесточайшего мучения. Он проявил такое человеколюбие, что не только даровал этому неразумно поступившему человеку прежнее положение и связанные с ним блага, но и предоставил ему место рядом с собой, так что все подданные, кланяясь одному, вынуждены были кланяться и другому.

Нечто подобное разумей и применительно к Спасу нашему Иисусу Христу. Ведь когда наш праотец Адам, как повествует божественный Моисей, преступил божественную заповедь и невоздержанием погубил божественные дары — я имею в виду бессмертие и нетление — и, будучи

подвергнут божественному проклятию, возвратился в землю, из которой был взят, Создатель не дал ему окончательно уничтожиться, но, некоторое небольшое время попустив ему потерпеть наказание за согрешение, почувствовал жалость и затем спас его, преклонив — о чудо! — небеса и приняв плоть, одушевленную Пресвятым Духом и истинной Приснодевой Марией, облекшись во всю Адамову природу, оставаясь при этом «непреложно» и «неизменно» Богом, каким Он и был.

То, однако же, ради чего я не поленился снова это тебе напомнить, это — что страстная часть души Адама была двоякой: с одной стороны, по причине греха, порочной, а с другой, имеющей отношение к телу, безупречной. Так что свобода его воли и возможность выбора послужили ошибке, но никак не природа. А Христос, восприняв все свойственное Адаму, за исключением страстей и греха — потому что где свет, там нет тьмы, — безукоризненно причастившись нашей плоти, свято и праведно использовал возможность выбора и свободу воли, о чем и было сказано всеми божественными пророками, в том числе и Исайей богопроповедником: «Коровье масло, — сказал ведь он, — и мед съест; прежде чем начнет разуметь или изберет злое, изберет доброе; потому что прежде, нежели ребенок сможет отличать добро от зла, он отвергнет злое и изберет доброе».

Видишь, что все пророки единогласно воспевают божественное пришествие Спасителя? Как бы мог свободный от греха — ведь «не было», как сказал божественный пророк, «лукавства в устах Его» (Исайя 53, 9), — быть виновным в грехе преступника? Будучи, стало быть, совершенным человеком, Сын и Слово Божие по необходимости стал причастником сопутствующих плоти непорочных страстей, как то потребность есть, пить и, конечно же, спать и прочего, что требуется нашему телу для поддержания существования, по человеколюбию же принял на себя и Адамово осуждение, т. е. смерть и тление, о чем и Давид, как мы незадолго до этого сказали, провозвестил: «Тогда отдал, чего не похищал». Будучи в совершенстве человеком, всему этому Он был подвержен.

А как Бог Он многое делал подобающее Его божественности по праву господина — не как прежде святые чужой, Божьей, силой: ведь Он собственной силой отпускал приходившим к Нему людям грехи, чего никто прежде Него делать не мог, глядя на что, ваши отцы не только не понимали Его, но и зубы на Него точили, будучи охвачены яростью, неизмеримо превзойдя неразумием даже дьявола. Ведь тот, будучи изгоняем Истиной, Богом Его признал, воззвав: «Что мне и Тебе, Иисусе, Сыне Божий? Ты пришел прежде времени мучить нас» (ср. Матфей 8, 29; Марк 5, 7), — а они Благодетеля и Спасителя мира и Освободителя их душ не признали и предали смерти. Однако же Сын Божий, пожелав спасти согрешившего, упразднить наказание и отпустить должников, стал человеком и Сам Себя предал на смерть исключительно добровольно, о чем Он Сам говорил: «Имею власть положить душу Мою и власть имею опять ее принять» (ср. Иоанн 10, 18); и о том же свидетельствовал и Давид, говоря: «Как человек беспомощный, среди мертвых свободный» (Пс. 87, 5—6), разумея под «свободным» безгрешного; а безгрешному разве справедливо быть причисленным к мертвым?

И бесстрастный по божественности, Он добровольно пострадал плотью, и Податель жизни и Царь славы (ср. Пс. 23, 7), Он умер бесчестной смертью как человек. А сойдя в ад, Он изгнал тамошних привратников, охваченных страхом и ужасом, о чем и Иов сказал: «Привратники адские, увидев Тебя, убоялись» (Иов 38, 17), оковы адские сокрушил, покончил с многолетней тиранией ада и отдал ад для поругания и забав потомкам Адама, в чем сбылось и то, о чем Давид говорил словами: «Взошел Ты на

высоту» — на крест, это ясно — «и пленил пленных» (Пс. 67, 19), т. е. освободил удерживавшиеся рукою ада души.

Самого же прародителя нашего Адама Он восстановил в прежнем благоденствии и блаженстве, т. е. в раю, а природу его вместе с пресвятым и божественным облачением, воспринятым Им от пречистой и божественной крови Приснодевы Марии, Он посадил по правую руку от Отеческого престола, сделав ее равнопрестольной и сопоклоняемой разом со Святой Троицей при поклонении ей ангелов и людей, украсив ее всеми достоинствами божественности, в чем сбылись слова Моисея и Давида: «Да поклонятся Ему все ангелы Божии» (ср. Пс. 96, 7).

Если же ты хочешь совсем хорошо это увидеть, вспомни пример с земным царем, о котором мы говорили чуть раньше, и ты найдешь, что во всем совершенно схож с этим промысел Сына Божия и Слова. Дальше в ходе разговора ты поймешь это лучше.

Что же касается пресвятой Его Матери, то надо принять во внимание, что как дочь Адама она была подвержена последствиям его греха, ибо раз навсегда уничтоживший их Христос еще не был распят; однако сама она не грешила, наподобие человека, по природе способного заболеть, благодаря же равенству в нем соков не заболевшему. А возможность грешить она имела, ибо «В беззакониях», сказано, «я зачат, и во грехах родила меня мать моя» (Пс. 50, 7), но на деле никогда ни душой, ни телом она не грешила по изобилующей в ней добродетели. Ведь она была избрана из всех родов, от создания мира сущих, и после нее бывших, и имеющих быть, как сосуд, предназначенный принять мысленное божественное миро, благоухающий всем ангелам и людям, поэтому ни одна из враждебных сил напасть на нее не смела. Как Вавилонская печь тех, кто был внутри нее, орошала и освежала, стоявших же вокруг врагов пожигала, так и осенившая ее свыше божественная сила укрепляла и освящала ее и делала способной выносить во чреве, когда придет время, Спасителя, всякую враждебную силу отгоняя и до зачатия, и после зачатия, и будет пребывать на ней во веки веков. Так что Христос безгрешен по природе, а она — по благодати.

Тем самым разрешается и то недоумение, которое у тебя возникло в нашем разговоре ранее, а именно, отчего Христос, став благодаря Своей Матери причастником падшей природы Адама, не оказался и Сам по необходимости падшим, но стоит и способен ставить на ноги падших. Если тебе еще что-то кажется сомнительным, скажи.

Ксен: Ты очень хорошо, в высшей степени ясно мне это растолковал.

Император: Тогда давай опять вернемся к Исайе. Сказав сначала: «Галилея языческих народов, люди, ходящие во тьме, увидели свет великий; живущие в стране и тени смерти, свет воссияет на вас» (Исайя 9, 1—2), он затем, чтобы показать виновника света, который должен воссиять народам, говорит: «Потому что Ребенок родился вам, сын, и был дан вам, власть которого на плече его. И называется имя его Великого Совета Ангел, Советник Дивный, Бог Сильный, Властелин, Князь Покоя, Отец Будущего Века. Ниспошлю мир на князей и здоровье ему. И велика власть его, и миру его нет предела» (Исайя 9, 6—7).

Смотри-ка, на какое количество и каких указал он этими словами боговдохновенных и исполненных чудесами событий. Ведь довольно ясно объявляет он об имеющей прийти для народов радости и указывает и на ее виновника, и на образ Его пришествия, — что он с истинной, а не с призрачной придет плотью. «Ребенок, — сказал ведь он, — родился вам, сын, и был дан вам». Обрати внимание и на то, какими именами он Его прославляет, что он не оставил при этом ни одной гиперболы, какими характеризуется исключительно Бог.

«Галилея, — говорит он, — языческих народов, люди, ходящие во тьме, увидели свет великий» и «живущие в стране и тени смерти, свет воссияет на вас», т. е. люди, пребывающие в Галилее, сидящие в темной и мрачной стране неразумия, т. е. скованные и словно спящие и от безумия устремленности к добру не имеющие — это означает ведь «сидящие», знайте, что великий свет богопознания просияет на вас, потому что к вам придет и научит вас Слово Божие. Делая далее более ясной причину радости, он говорит: «Потому что Ребенок родился вам, сын, и был дан вам», — тем самым показывая, как мы сказали, что Податель света и Проповедник радости и воскресения должен прийти в настоящей плоти, а не в воображаемой, как безрассудные манихеи болтают. То же самое он показал немного раньше словами, что он съест масло и мед.

Говоря «власть которого родилась на плече его», пророк нам указывает на две вещи: что власть для Него естественна, не перешла к Нему от другого, как это бывает у людей, но предвечна и вечна; и что власть Его и слава, т. е. крест, — на плече Его. Ведь когда распявшие Его осудили Его вместе с многими другими на смерть, изобретенную и применявшуюся для поругания тогдашних грешников, то крест, к которому Он должен был быть пригвожден, Его заставили взять на плечо и идти с ним к лобному месту. Заговорив об этом, рассмотрим нечто малое из многого и о божественном кресте.

Знай, что сила этого божественного дерева подействовала и просияла не лишь после распятия Христова, но и до задолго до того проявлялась она многократно, равно как и другие таинства провоображались. Так патриарх Иаков, чтобы благословить детей своего сына Иосифа, т. е. Ефрема и Манассию, возложил на них руки, скрестив их (ср. Бытие 48, 14), что было прямым прообразованием божественной силы креста. И когда присутствовавший при этом знамении Иосиф попробовал переложить его руки, он не захотел и сказал: «Знаю, дитя, знаю» (Бытие 48, 19), т. е.: «Ты думаешь, я ошибаюсь и делаю это не так, как надо, но это неверно, ибо я отдаю себе отчет в том, как я это делаю». Так вот.

А что можно сказать о Моисее, который, убегая со множеством евреев от египтян, сначала простер руку вперед и разделил Чермное море, и они его перешли, а затем, обернувшись, простер руку в обратную сторону и его соединил, тем самым потопив фараона (ср. Исход 14, 21—27)? А превращение жезла разве не было тоже ясным прообразованием креста? А то, что даже колесницы и кони полностью погрузились, и противники, их преследовавшие, утонули, не было ли прообразом победы креста над мысленным фараоном, дьяволом, и его совершенного низвержения? А Моисеем же брошенное в Мерру дерево, сделавшее горькую воду сладкой и пригодной для питья (ср. Исход 15, 25), не было ли явным знамением сладости, доставленной миру крестным древом? А то затем, что, простирая руки, Моисей побеждал Амалика, разве не было яснейшим предначертанием образа божественного креста и его силы? Ведь когда он поднимал руки, простирая их к Богу, Амалик, побеждаемый, бежал, а когда от усталости иногда опускал их, происходило обратное, и евреи начинали терпеть поражение, преследователи обращались в бегство, а бежавшие от них, вдруг обретая силу, возвращались. Уразумев, насколько помогает то, что он, воздев, простирает руки, Моисей поставил по сторонам двух человек поддерживать их — и одержал при помощи этого божественного знака креста полную победу над Амаликом (ср. Исход 17, 11—16).

Если надо еще говорить об этом, то давай рассмотрим и кое-что из того, что у вас издавна и доныне практикуется. О приносимом вами каждый год в жертву ягненке, которого вы подвешиваете за голову к одному дереву,

а на другом обрубке растягиваете в стороны его ноги, что можно сказать, как не то, что обрубки дерева — это образ креста, а ягненок — Христа?

А кроме того, Моисей повелел вам во время одного из праздников, который вы называете праздником кущей (ср. Второзаконие 16, 16; 31, 10), брать ветви трех вечнозеленых деревьев, связывать их крестообразно червленой шерстью и начертывать с четырех сторон некие знаки — что же это такое, как не прообраз и прототип божественного креста? Не без смысла ведь даны установления Закона, но каждое из них имеет свою причину и является прообразом другого, большего, что и в данном случае можно, рассмотрев, понять. Соединение ветвей трех вечнозеленых деревьев было ведь прообразованием креста, составленного как раз из таких трех деревьев; а их багрового цвета связь была прообразом крови богочеловеческого Слова.

Смотри же, до чего ясно соответствуют этому слова Исайи: «Сосной, кедром и кипарисом прославлю место святое Мое» (Исайя 60, 13). Из этих ведь деревьев бы сделан крест: одно было поставлено вертикально, другое служило поперечиной, к которой были прибиты растянутые руки Христа, а третье, внизу, — своего рода подставкой для ног, дававшей возможность прибить их гвоздями, почему божественный Давид и сказал: «Вознесите Господа Бога нашего и поклоняйтесь подножию ног Его, потому что оно славно» (Пс. 98, 5). Никто ведь не скажет, что пророк Божий назвал подножием ног Его землю, раз в другом месте Писания говорится: «Небо — престол Мой, а земля — подножие ног Моих» (Исайя 66, 1), ибо какой может быть найден смысл в том, чтобы пророк повелевал поклоняться земле? Конечно же, он сказал не о ней, а о дереве, к которому были пригвождены ноги Христа.

Ну вот, я выбрал малое из очень многого, ибо пересказывать теперь и делать предметом рассмотрения все было бы слишком долго. Одно только тебе скажу, все прочее миновав: велика сила божественного креста и постоянно благодаря ему происходят удивительные, вызывающие трепет вещи. И поразительнее всего то, что орудие мучительнейшей, тяжелейшей и бесчестнейшей из смертей, о чем как-то ты и сам сказал, стало теперь причиной и подателем непрестающей лучшей жизни и всяческой иной благодати — из-за пригвожденной к нему плоти Божьего Слова. Именно это и являло обращение в Мерре горького ручья в сладкий.

Что ты об этом думаешь?

Ксен: Поистине все это нечто странное и такого рода, что без чуда ничего из того, о чем я слышу, не объяснить.

Император: Это ты правильно сказал, потому что здесь немало чудесного, сверхъестественного, человеческий ум совершенно превосходящего. Но об этом довольно. Возвратимся туда, откуда ушли. Что означают слова «власть которого на плече его»? Выяснилось, что они указывают на крест, о котором мы говорили. Посмотрим, что следует далее.

«Называется имя его Великого Совета Ангел». Он зовется так потому, что возвестил людям предвечный «совет» Бога Отца. Какой совет? О таинстве Своего божественного воплощения и неизреченного сверхъестественного воскресения, о чем Он ясно возвестил и растолковал всем сущим под небом. И не только Вестником был Он для людей, но также Советником Дивным. Обрати внимание, что пророк сказал не просто «Советник», но присовокупил «Дивый»: потому что всякий человек, советуя, порой оказывается прекрасным советником, а порой невольно выходит за пределы правильного; дивно же советовать означает никогда не ошибаться относительно наилучшего, во всем достигать истины, а притом и сообщать ее другим, и чтобы ни добавить к тому, что советуется, ни убавить у этого не требовалось.

Если уж Иов, добрый человек, когда говорил, то вельможи, т. е. именитые и славные люди, палец прикладывали к своим устам (ср. Иов 29, 9), полагая неподобающим ни добавить что-нибудь, ни убавить, удивляясь точности и уместности слов, то насколько, скорее же, неизмеримо лучшим советником должен быть Тот, кто создал этого Иова. А что может быть лучше такого совета, который учит всех уклоняться от худшего и склоняться к лучшему, готовить себя здесь к вечному царству, намного славнейшему мирских царств и пребывающему вечно, и себя на путь к нему направлять?

Обрати внимание также на то, что он не сказал неопределенно «Бог», но — «Бог Сильный», тем самым отличая Его от так называемых и занимающих положение богов. Бывают ведь и из людей благие боги, но не сильные, ни власти такой, как Он, не имеющие. Чтобы не подумал кто, что речь идет о вроде них рожденном ребенке, но чтобы мыслили о Нем как о Боге истинном, сказав «Бог», он добавил «Сильный», затем присовокупил и «Властелин», чтобы показать Его всесилие и над всею тварью господство и власть.

«Князь покоя». Разве кто-нибудь из людей был когда-нибудь способен убить в людях всяческую враждебность и установить вместо этого мир, склонить всех заключить друг с другом мирные договоры и убедить их подавлять в себе все зверское и дикое, отдавая предпочтение дружелюбию и человеколюбию? Воистину никто. А родившийся от Девы Бог-Слово уничтожил завесу вражды, будучи Сам соединителем всего небесного и мирского и властелином прочного мира. Об этом при Его божественном Рождестве и силы небесные возглашали как о чем-то сверхъестественном, доставляемом нам как награда от Бога: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» (Лука 3, 14).

«Отец Будущего Века». Кто может быть отцом будущего века, кроме Бога? Никто. Все ведь люди и ангелы появились после возникновения времени. Потому-то мы и не говорим, что Бог был ранее ангелов, чтобы кто-нибудь не подумал, что Он был прежде них равным образом во времени, поскольку Он существовал ведь до всех веков.

Обрати внимание на то, что пророк своими словами представляет Его и человеком истинным, и Богом истинным. Говоря «Ребенок родился вам, сын, и был дан вам» и «масло коровье и мед съест», он показывает, что Тот будет истинным человеком, а называя Его «Богом Сильным, Властелином, Князем Покоя и Отцом Будущего Века», он являет Его истинным Богом. Потому-то и не сказал он просто «Века», но добавил «Будущего»: Отцом Века он назвал Его как Виновника и Творца, «Будущего» же сказал, не имея в виду какой-то определенный будущий век, но чтобы показать, что наш мир временен, а Его вневременен и надвечен. «Будущего Века» он сказал для нас, людей.

Ведь само время существует и всегда будет для нас существовать как прошедшее, настоящее и будущее — благодаря нашему движению. Ибо мы движемся, т. е. идет наша жизнь, а век всегда стоит и неподвижен. А поскольку отрезки времени измеряются круговым движением солнца, то период, за который солнце, двигаясь от какой-то точки, вновь в нее возвращается, тоже называется «веком» и «временем»: «временем» — по причине упомянутого кругового движения солнца, а «веком» потому, что и это объемлется вечностью. Вечность ведь временна и время вечно, так что о них говорят как о нераздельных и неразлучных. Однако же вечность, говорят, началась раньше солнца. Именно, чтобы представить родившееся от Девы богочеловеческое Слово Творцом и Создателем всего, пророк и называет Его «Отцом Будущего Века».

«Ниспошлю мир на князей и здоровье ему. Велика власть его, и миру его нет предела». Он имеет в виду земных царей и могущественных владык, а миром называет единомыслие и согласие в одной вере людей, ранее исповедовавших большое количество верований и заблуждений. Ведь не малым было обладавшее тогда людьми мракобесие, и они настолько разделялись в своих представлениях о Боге, что одни называли Его Солнцем-Аполлоном, другие Луной-Артемидой, третьи еще что-то из тварей обожествляли, выдумывая и рассказывая о них всякие невероятные и довольно скверные истории. А менее образованные чтили и почитали и волов, и овец, и некоторых пресмыкающихся, и птиц, безумно воздавая твари большую, нежели Творцу, честь и принося в жертву демонам детей. Пока богочеловеческое Слово от Девы Марии не родилось, это безумное и в высшей степени бессмысленное явление какое-то место имело, но оно стало неуместным и исчезло благодаря Его страданию, смерти и воскресению из мертвых, поскольку обман и всякая морока были изгнаны, и над всем восторжествовало истинное богоразумие, и до самых окраин земли посеянное поклонение распятому во плоти Богу принесло зрелый плод веры в единого истинного Бога и согласия. И что же может быть больше и божественнее того, что вся вселенная как бы некими единым языком и устами выражает свое благоговение единой всесильной Троице в Отце, Сыне и Святом Духе? Хоть некоторые из земных владык и воюют друг с другом, это нисколько сказанному не противоречит, ибо их толкают на это любовь к богатствам и пагуба лихоимства. А вера в Святую Троицу пребывает совершенно непоколебимой, вечной и твердой; и это и есть смысл слов «ниспошлю мир на князей и здоровье ему». Имеется в виду, значит, не такой мир, который то есть, то его нет, подобно тому как тело иногда бывает здоровым, а иногда болеет, но такой, который неуклонно вовеки пребывает, и более сильного, чем он, ничего не будет.

Что именно это он хочет сказать, ясно из того, что он к этому добавляет: «Велика власть его, и миру его нет предела», — что невозможно сказать ни о ком из людей, за исключением родившегося у Приснодевы Ребенка, — что бесконечен мир Его; я говорю о Богочеловеке-Слове.

Заметь также, что пророк не только провозвестил необыкновенное рождение Сына и Слова Божия, но и место Рождества сделал по многим признакам узнаваемым. Опять-таки говорит Давид: «Помяни, Господи, Давида и всю кротость его, ибо он клялся Господу, обещая Богу Иакова: не войду я в жилище дома моего, не взойду на одр постели моей, не дам сна очам моим и веждам моим дремания, и покой вискам моим, пока не обрету место Господу, жилище Богу Иакова» (Пс. 131, 1—5). После этого он говорит: «Вот, слышали мы, что Он в Ефрафе, нашли Его в полях дубравных, вошли в жилища Его, поклонились на месте, где стояли ноги Его» (Пс. 131, 6—7).

Видишь: у пророка возникло настолько сильное желание узнать и место Рождества, что он всем пренебрег и клятвенно обещал не входить в свой дом, не давать покоя своим очам и никаким покоем вовсе не наслаждаться, пока он не узнает и место Рождества Христова, и жилище Бога Иакова. И это трояко понимается прилежными людьми. Во-первых, жилищем Божиим называется плоть, которую Он воспринял от девической крови Матери, полностью соединив ее со Своей ипостасью и сделав ее местом Своего вечного пребывания, от которого Он не отлучается.

Также святым Его жилищем называется Его Пресвятая Мать, в утробу которой Он ипостасно вселился на девять месяцев, которой и по Рождестве не оставила благодать божественного Пресвятого Духа, осенившая ее прежде зачатия и вложившая в нее силу, давшую ей способность выносить ипостась

Бога-Слова, но также всегда с ней пребывающая и имеющая пребывать вовеки. Потому-то тот же Давид в другом псалме говорит: «Свят храм Твой, дивен в правде» (Пс. 64, 5—6).

Согласно еще одному толкованию, жилищем Божиим называется дом Ефрафов и город Давидов Вифлеем, где Он родился, о котором тот же Давид говорит: «Поклонимся на месте, где стояли ноги Его» (Пс. 131, 7), — то самое этим показывая, о чем мы сказали, а также — пригвождение ног Господних ко кресту. Вот что говорит об этом Давид.

Посмотри, как согласуются с этим слова Михея, проповедующего, словно сговорившись, то же самое: «И ты, Вифлеем, дом Ефрафов, разве наименьший ты в тысячах Иудовых? Из тебя ведь произойдет Мне Тот, Кто должен быть Владыкой в Израиле, и исходы Его из начала, из дней вечных» (Михей 5, 1—2). Так что этими словами и он указывает, что в Вифлееме-Ефрафе родится Христос и что благодаря Рождеству это место будет достойно чести. Ведь сказав «разве наименьший ты в тысячах Иудовых?», он показывает и причину, почему тот не будет наименьшим, говоря: «Из тебя ведь произойдет Мне Тот, Кто должен быть Владыкой в Израиле».

Таким образом, что-то разыскав у многих пророков, можно понять, что все это сбылось во Христе, Каковой и стал Владыкой Нового Израиля, в соответствии с обетованием Авраамову сыну, получившему имя «Ум, Зрящий Бога».

«Исходы Его из начала, из дней вечных», — он сказал, указывая на предвечность Его существования.

Так Давид и Михей, научаемые божественным Духом, проповедали воплощение Бога-Слова и назвали место, где Он должен был во плоти родиться.

А когда Он родился, пришли из Персии волхвы поклониться Ему, неся с собой дары, чтобы подарить Родившемуся. Это были золото, ливан и смирна. Из них золото свидетельствовало о царском достоинстве Новорожденного, ливан о Его божественности, а смирна — о Его подверженности смерти благодаря плоти. Прежде чем прийти в Вифлеем, они пришли в Иерусалим спросить, где находится родившийся Царь Иудейский. Это получилось по некоему божественному промыслу, чтобы и все тамошние люди узнали, что Тот, о Ком проповедовали пророки, уже явился, родившись от чистой Девы. И ведь проделавшие столь далекий путь люди не узнали бы о доме Ефрафа и Вифлееме, если бы, как я сказал, Бог не захотел сделать известным происшедшее и жителям Иерусалима.

Ирод же, царствовавший тогда в вашем народе, услышав об этом, собрал священников и книжников и спрашивал их, где, по пророкам, должен родиться Христос. Они сказали ему: в Вифлееме. Выслушав их и призвав упомянутых волхвов, он попробовал обойти их обманом, сказав: «Пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему» (Матфей 2, 8). На пути волхвов из Персии им предшествовала некая излучающая свет божественная сила, похожая на звезду, а когда они пришли в Иерусалим, она исчезла, — чтобы и тамошним жителям, как сказано, сделалось известным происходящее таинство. А когда они вышли оттуда, она, вновь появившись, стала указывать им путь, пока «наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец» (Матфей 2, 9).

Случилось так, что тогдашний римский император повелел произвести перепись всей вселенной. И когда все пошли записываться, каждый в место своего рождения, пришел и Иосиф в Вифлеем, где родился, чтобы записаться с Марией, ибо он был из рода Давида, а Вифлеем был городом Давида.

Прибыв туда, волхвы поклонились ребенку и, открыв свои сокровища, преподнесли Ему упомянутые дары. После этого, получив от божественного ангела совет «не возвращаться к Ироду», они «иным путем отошли в страну свою» (Матфей 2, 12).

Конец 7-го слова против иудеев.